С. Борзенко
Н. Денисов

ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

• ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ • ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ •

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

С. Борзенко
Н. Денисов

ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ

Издательство
политической литературы
Москва • 1969

СВЕРШЕНИЕ. Приближалось время долгожданного старта. Перед отъездом на космодром парторг группы космонавтов Павел Попович собрал напутственное партийное собрание. Все были уверены, что в первый полет назначат Гагарина. Выступали и те, кто уезжал, и те, кто оставался.

— Мы завидуем тебе хорошей, дружеской завистью... Вернувшись из космоса, не зазнавайся, не дери нос кверху, будь всегда скромным, таким, как сейчас,— говорил парторг.

Дали слово Гагарину. Комкая в руках носовой платок, он говорил медленно, подбирая весомые слова, отвечающие торжественному моменту.

— Рад и горжусь, что попал в число первых космонавтов... Заверяю товарищей, что не пожалею сил, чтобы достойно выполнить задание партии и правительства. Каждый из вас понимает, как мне хочется полететь в космос...

Юрий закрыл глаза и помолчал. Потом он рассказывал, что в те несколько секунд перед ним возникли и

молодогвардейцы, и Алексей Маресьев, и панфиловцы, и Александр Покрышкин, и Иван Кожедуб — все те, кто, рискуя жизнью, боролся за свободу и счастье народа и побеждал.

В день отлета на космодром Юрий Гагарин и Герман Титов побывали на Красной площади, подметенной ветром и сбрызнутой первым весенним дождем.

Космонавты медленно обошли Кремль. Под перезвон курантов пересекли Красную площадь, остановились у Мавзолея, посмотрели, как сменяется караул. Затем по улице Горького пошли к памятнику Пушкина. День выдался ясный, теплый. Вокруг шумел людской поток. Никому не было дела до двух молодых летчиков, никто не знал, что готовится грандиозное событие, подобного которому история еще не знала...

Прощаясь с женой, Гагарин ощутил терпкую горечь. За годы замужества за летчиком-истребителем Валя научилась не удивляться. На этот раз, держа на его плечах легкие, нежные руки, сказала много раз уже сказанные, но теперь прозвучавшие совсем по-иному слова:

— Если бы ты знал, как я люблю тебя и как мне не хочется расставаться с тобой...

На космодром улетело несколько космонавтов, готовых к полету. Предупреждалась любая случайность. Залетит порошинка в глаз первому кандидату, повысится температура — и его надо заменить другим.

За квадратными окнами ИЛ-14 клубились набухшие влагой облака, накрапывал дождь, в рваных просветах проглядывала весенняя нагота полей — черная земля, кое-где покрытая талым снегом. Рядом с Гагариным сидел Титов. Порой взгляды их встречались, и они улыбались, понимая друг друга.

Через несколько дней, когда по поручению редакции «Правды» мы помогали Гагарину писать его записки «Дорога в космос», он сказал:

— Герман был натренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полет, приберегая для второго, более сложного.

Эти душевные слова свидетельствуют об исключительной скромности первого космонавта.

Люди, готовившие Гагарина в полет, полюбили его и, не говоря ему об этом, восхищались его быстрым умом, цепкой памятью. Он молниеносно отзывался на мгновенно меняющуюся обстановку, точно передавал свои чувства на каждом этапе воображаемого полета — и при бешеном напоре ускорения, и при ожидаемом, но никем еще не испытанном длительном состоянии невесомости. Он привык к ритму новых движений и новому режиму питания. Он обжил корабль, одновременно похожий и на капитанскую рубку, и на лабораторию ученого. Он даже выработал для себя позу, наиболее выгодную в предстоящем полете. Все, что предлагал Гагарин, принималось учеными. Нерасторжимо переплелись судьбы пилота, изобретателей, конструкторов. Они нашли в нем не только точного исполнителя грандиозного замысла, но и творчески одаренного, разумного советчика. И это не могло не ускорить времени старта, ибо подготовить человека к выходу в космос было так же трудно, как создать надежный космический корабль — самое совершенное сооружение современной техники, вобравшее в себя все достижения науки.

Для полета в космос подбирались здоровые люди. А из здоровых врачи выбирали самого здорового. В Гагарине был найден человек с гармоническим

сочетанием физических и душевных качеств. Все в нем было прекрасным — и лицо, и тело, и душа, все отвечало высоким требованиям.

Проходя тренировку, Юрий Гагарин убедился, что далеко не каждый может стать космонавтом. Для этого прежде всего нужны железное здоровье, крепкие нервы и выдержка. Ведь посылался в космос не пассажир, не турист, а командир корабля, который должен был не только наблюдать за приборами, но и вмешиваться в работу сложных технических систем. Юрий сразу почувствовал: как хорошо, что он никогда не был пристрастен к вину, не курил, в любое время года занимался спортом. Тогда же он убедился и в том, что самое главное для космонавта — это хотеть, уметь ждать, тренироваться, тренироваться и еще раз тренироваться...

Он знал, многие летчики способны взлететь в космос и, как и он, физически и морально готовы к этому. Знал и то, что ему повезло: вовремя родился.

Время на космодроме летело быстро. Наступил предполетный день. Государственная комиссия, которой поручили руководить первым в мире космическим полетом человека, заслушала предложение командования Военно-Воздушных Сил, сделанное генерал-лейтенантом Н. П. Каманиным. Он назвал фамилии Гагарина и Титова. Комиссия обсудила предложенные кандидатуры, утвердила командиром корабля «Восток» Юрия Гагарина и его дублером Германа Титова.

Космонавтов поместили в небольшой, похожий на игрушечный домик, обсаженный молодыми деревцами. Там они и обедали и ужинали «по-космически», выдавливая из тюбиков специально приготовленную для них пищу. Оставшись вдвоем, вспо-

минали детство, говорили о прочитанных книгах, о будущем...

Поздно вечером к ним заглянул Главный Конструктор. Вспомнил свою молодость. Нелегкая она была. Когда был студентом, приходилось зарабатывать на хлеб.

Самочувствие Юрия и Германа понравилось ученому, и он, мельком взглянув на часы, ушел.

Врачи наклеили на тело Гагарина семь датчиков, регистрирующих физиологические функции. В 21 час 50 минут проверили кровяное давление, температуру, пульс. Все было в норме.

— Пора спать,— напомнил доктор.

Юрий лег в прохладную постель. На второй койке расположился Титов. Минут через семь они уснули — Гагарин лежа на спине и приложив к щеке ладонь. Пульс и дыхание его были ровны и чисты, как у ребенка. Ночью доктор несколько раз заглядывал к ним, но они не слышали его прихода и ни разу не переменили позы. В три часа ночи пришел Главный Конструктор, приоткрыл дверь и, убедившись, что космонавты спят, снова ушел к ракете. Он ничего не принимал на веру и требовал все проверить и раз, и два, и десять раз. Он немного волновался: предстоял главный экзамен всей его жизни.

Настало утро исторического дня — 12 апреля 1961 года. В 5 часов 30 минут в спальню вошел врач и легонько тронул Гагарина за плечо.

— Юра, пора вставать!

Проспав семь с половиной часов, Юрий моментально поднялся, встал и Герман. Они были бодры и спокойны. Свежий, зеленоватый рассвет заливал землю, расшитую бисером росы. Как все летчики, Юрий Гагарин прежде всего взглянул на небо.

Высоко-высоко серебрились перламутровые перистые облака.

— Какое жизнерадостное солнце! — воскликнул он, обратив взор на освещенный первыми лучами «Восток».

После обычной физзарядки и умывания — завтрак из туб: мясное пюре, черносмородиновый джем, кофе. Начались предполетный медицинский осмотр и проверка записей приборов, контролировавших ночью физиологические функции. Все оказалось в норме, о чем и был составлен медицинский протокол. Оба космонавта надели теплые, мягкие и легкие комбинезоны лазоревого цвета, а затем с помощью специалистов — защитные ярко-оранжевые скафандры, обеспечивающие сохранение работоспособности в случае разгерметизации кабины корабля. Были проверены приборы и аппаратура, которыми оснащены скафандры.

Пришел Главный Конструктор. Впервые Гагарин увидел его озабоченным и усталым — видимо, сказалась бессонная ночь. И все же мягкая улыбка витала вокруг его твердых, крепко сжатых губ. Он дал несколько рекомендаций и советов, которые могли пригодиться на орбите.

Полет обеспечивали тысячи бодрствующих сейчас людей: на космодроме, на пунктах слежения, на морских судах, в координационно-вычислительном центре, на радарах и рациях. В эту великолепно обученную армию, благодаря которой стал возможен полет, входили и космонавты.

Специалисты, надевавшие на Гагарина скафандр, стали протягивать ему листки бумаги, кто-то подал служебное удостоверение: каждый просил оставить на память автограф.

Подошел специально оборудованный автобус,

Гагарин и Титов заняли места в креслах, напоминавших пилотское кресло в кабине корабля. В скафандре есть устройства для вентиляции, к ним подаются электроэнергия и кислород. Вентиляционное устройство подключили к источникам питания, установленным в автобусе. Все работало исправно.

Автобус мчался по шоссе, расчищенному степным ветром. Вдали показался устремленный ввысь серебристый корпус ракеты. Чем ближе автобус подъезжал к стартовой площадке, тем ракета становилась выше, словно вырастала в размерах. Она напомнила Гагарину гигантский маяк — луч восходящего солнца горел на ее острой вершине.

На стартовой площадке космонавтов ждали председатель Государственной комиссии, Главный Конструктор и другие ученые, конструкторы, специалисты. Лица их до последней морщинки освещались утренним светом. Здесь же находились руководители космодрома и стартовой команды. Все заливал золотистый свет наступающего нового дня.

Распрощавшись с Германом, твердо ступая по бетонным плитам стартовой площадки, Юрий, скованный костюмом, медленно подошел к председателю Государственной комиссии и доложил:

— Летчик, старший лейтенант Гагарин к первому полету на космическом корабле «Восток» готов!

— Счастливого пути! Желаем успеха! — ответил председатель, пожимая космонавту руку.

Перед тем как на лифте подняться в кабину корабля, Гагарин сделал заявление для печати и радио. Все его существо охватил небывалый подъем душевных сил, сложная гамма переживаний, рождавшая необыкновенные слова:

— Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! —

сказал космонавт.— Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением...

Работая над очерком для «Правды» о первом полете человека в космос, мы попросили Гагарина рассказать об этой исторической минуте, предшествующей полету.

— Вся прожитая жизнь как бы пронеслась перед моими глазами,— припомнил Гагарин.

Он говорил, что увидел себя босоногим мальчонкой, помогающим пастухам пасти колхозное стадо... Школьником, впервые написавшим слово «Ленин»... Ремесленником, сделавшим свою первую опоку... Студентом, работающим над дипломом... Летчиком, охраняющим на севере страны государственную границу...

Вернувшись на землю, он все сказанное внес в записки «Дорога в космос».

— Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем? — говорил Гагарин на космодроме. Было тихо. Только шуршала лента магнитофона, записывающая слова, со скоростью света облетевшие весь мир.— Если тем не менее я решаюсь на этот полет,— продолжал он,— то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей.

Гагарин глядел поверх микрофона и говорил, видя внимательные лица своих наставников и друзей. Глядя на лица Титова, Николаева, Поповича, Быковского — всех тех, кто был, как и он, готов к первому полету, Гагарин подумал: «У них только

один путь — вверх!» Космонавт с любовью окинул взглядом ракету, в которой, он знал, было свыше трехсот тысяч деталей.

— Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое уже вступает наш советский народ и в которое, я уверен, вступят все люди на земле.

Главный Конструктор украдкой поглядел на часы. Гагарин понял: пора закругляться.

— До старта остаются считанные минуты,— сказал он.— Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят люди друг другу, отправляясь в далекий путь...

И, уже находясь на железной площадке перед входом в кабину, прощаясь с людьми, остающимися на Земле, он приветственно поднял обе руки:

— До скорой встречи! — Эта минута была для космонавта минутой величайшей внутренней собранности. Но ни в одном жесте, ни в одном слове его не проглядывала тревога. Он улыбался.

А люди, остающиеся на Земле, были взволнованы, как никогда. Начиналось беспримерное, неизведанное...

Сильный голос через репродукторы приказал людям уйти с площадки в укрытия.

Юрий спокойно вошел в кабину. Его усадили в кресло, бесшумно захлопнули люк. Космонавта окружали тысячи километров тончайших проводов и кабелей, некоторые из них были прикреплены к его телу. Эти новые вены и артерии обеспечивали подачу электроэнергии, тепла, воды, воздуха, обогревали, охлаждали, защищали от радиации. Его организм включился в электронные и механические системы корабля и должен был четко взаимодействовать с ними.

Человек остался наедине с приборами, освещенными уже не дневным, солнечным светом, а искусственным. Ему было слышно все, что делалось за бортом корабля. Шла заключительная проверка. Он слышал короткие доклады о готовности к полету от контролеров всех систем. Как живые, замерли тысячи красных лампочек. Достаточно вспыхнуть одной: подать сигнал опасности, и полет отложат. Все предусмотрели конструкторы. В случае аварии еще до взлета он мог катапультироваться. С внешним миром он мог поддерживать связь только по радио. Позывной Земли был красивый и звучный: «Заря». Лента магнитофона сохранила для истории космонавтики запись переговоров с «Зарей» на старте, во время последних приготовлений «Востока» к полету:

— Как слышите меня? — спросил Гагарин.

«Заря» ответила:

— Слышу хорошо.

В огромном оркестре затихали звуки настройки.

Вскоре «Заря» напомнила:

— Наступила минутная готовность!

Гагарин ответил:

— Понял вас. Настроение бодрое, самочувствие хорошее, к старту готов.

Подошло время старта. Раздалась команда:

— Подъем!

Звонко по-юношески Юрий Гагарин произнес фразу, которую теперь знает каждый подросток на Земле:

— Поехали!

Стрелки хронометра показали 9 часов 07 минут по московскому времени. Космонавт услышал свист и все нарастающий гул, почувствовал, как ракета задрожала всем корпусом и медленно, очень мед-

ленно оторвалась от стартового устройства. Началась борьба с силой земного тяготения. Огромная ракета наклонялась. Повинуясь заданному направлению, все больше отходила от вертикали, кренилась, ложась на заданный курс. Гул был не сильнее слышимого в кабине реактивного самолета. Но в нем было множество новых музыкальных оттенков и тембров, не записанных ни одним композитором на ноты и которые, видимо, не сможет пока воспроизвести никакой музыкальный инструмент.

После Гагарин говорил нам:

— Могучие двигатели ракеты создавали музыку будущего, наверное, еще более волнующую, чем величайшие творения прошлого.

Росли перегрузки. Юрий чувствовал — какая-то непреоборимая сила все сильнее вдавливает его в кресло. И хотя оно расположено так, чтобы сократить влияние огромной тяжести, наваливающейся на тело, было трудно пошевелить рукой и ногой. Юрий знал, что неприятное состояние продлится недолго: пока корабль, набирая скорость, вырвется на орбиту. Летчик-истребитель, он умел сливаться с самолетом, он слился в одно целое с кораблем.

Перегрузки все возрастали.

«Заря», хорошо знающая, что каждый преодоленный километр — вторжение в неведомое, помноженное на опасность, напомнила:

— Прошло семьдесят секунд после взлета.

Гагарин ответил:

— Понял вас: семьдесят. Самочувствие отличное. Растут перегрузки. Все хорошо.

Как только ракета прорезала плотные слои атмосферы, был автоматически сброшен головной обтекатель. Корабль озарил яркий дневной свет. В круглых иллюминаторах показалась далекая земная

твердь. «Восток» пролетал над широкой сибирской рекой. Отчетливо виднелись островки и берега, поросшие низенькой, как трава, тайгой, освещенной солнцем.

— Красота-то какая! — воскликнул Юрий. Восторженные слова обрадовали всех: у человека, способного восхищаться, все в ажуре.

По мере сгорания топлива одна за другой отделялись ступени ракеты, и вот наступил долгожданный момент, когда Гагарин сообщил ожидающей Земле:

— Произошло разделение с носителем... Самочувствие хорошее. Параметры кабины: давление — единица, влажность — шестьдесят пять процентов, температура — двадцать градусов, давление в отсеке — единица, в системах ориентации — нормальное.

Все шло без сучка, без задоринки.

Корабль вырвался на орбиту — широкую космическую дорогу. Гагарин признался, что именно в этот момент у него мелькнула мысль написать книгу и назвать ее «Дорога в космос».

Наступила невесомость — состояние, о котором Юрий читал в книгах Циолковского.

Вернувшись на Землю, он рассказывал, что произошло с ним. Тело его оторвалось от пилотского кресла, повисло между потолком и полом кабины, испытывая непостижимую легкость. Переход к этому состоянию произошел плавно. И руки, и ноги, и туловище ничего не весили. Человек не сидел, не лежал, а как бы висел в кабине. Все незакрепленные предметы стали парить — и планшет, и карандаш, и блокнот... А капли жидкости, пролившиеся из шланга, приняли форму шариков, отсвечивающих всеми цветами радуги, перемещались в простран-

стве и, коснувшись стенки кабины, оставались на ней, будто роса. На минуту забыв, где он находится, Юрий положил карандаш на колени, и он тут же вспорхнул, как птица. Он не стал ловить карандаш и обо всем увиденном говорил, а магнитофон записывал сказанное на узенькую, змейкой скользящую ленту.

«Заря» поинтересовалась, что видит космонавт внизу. И Юрий рассказал, что планета выглядит примерно так же, как при полете на реактивном самолете на больших высотах. Отчетливо вырисовываются горные хребты, большие реки, лесные массивы, желтые пятна островов, береговая кромка морей, окантованных белой пеной прибоя.

В наших блокнотах сохранились многочисленные записи, сделанные со слов Гагарина, о его переживаниях в космосе. Всякий раз при встрече с Гагариным мы наталкивали его на эту животрепещущую для него тему. Он охотно откликался на нее, обогащая наши записи новыми подробностями. Мы отобрали то, что передает душевное настроение и мысли космонавта, рожденные в полете.

Когда «Восток» мчался над просторами Родины, Юрий с особой силой ощущал сыновнюю любовь к ней, он думал о том, что еще недавно нищая и отсталая страна превратилась в могучую индустриальную и колхозную державу. Он знал — на земном шаре нет страны более обширной, более богатой, более красивой, чем Советский Союз! Он вспомнил, как мальчишкой на переменах простаивал в классе у географической карты, смотрел на великие русские реки, словно синие жилы оплетающие могучее тело страны, и мечтал о далеких странствиях и походах. И вот он, главный поход его жизни — полет вокруг земного шара! На высоте трехсот километров Юрий

мысленно благодарил партию и народ, давших ему счастье — первому увидеть и рассказать людям обо всем познанном там, где еще не бывал ни один человек.

Аспидно-черное небо казалось ему — сыну хлебопашца — вспаханным полем, засеваемым зерном звезд. Они были яркие и чистые, словно перевеянные на колхозном току. Солнце тоже было яркое и горячее, ярче расплавленного металла, с которым Юрию пришлось иметь дело в литейном цехе на Люберецком заводе — первой академии своей жизни.

Наблюдения из кабины «Востока» велись не только за небом, но и за Землей. Гагарина спрашивали, как выглядит водная поверхность?

Он отвечал:

— Темноватыми, чуть поблескивающими пятнами.

— Ощущается ли шарообразность планеты?

— Да, конечно! — человек давал информацию, которую не удавалось получить при помощи беспилотных спутников Земли.

Когда Юрий смотрел на горизонт, то видел резкий, контрастный переход от светлой поверхности Земли к совершенно черному небу. Земля радовала богатой палитрой красок. Ее окружал ореол нежно-голубого цвета, постепенно темневший, становившийся бирюзовым, синим, фиолетовым, угольно-черным.

В кабину долетала музыка. Слушая одну из своих любимых песен — «Амурские волны», Юрий вспомнил — американцы писали: «Никто не в состоянии точно предсказать, каково будет влияние космического пространства на человека. Известно только одно — человек в космосе будет ощущать одиночество».

Юрий Алексеевич не ощущал одиночества. Разрезая космос, он жил жизнью страны. Работы было невпроворот. Радио связывало его с Землей. Он принимал команды, передавал сообщения о работе систем корабля, поддерживал связь с советскими судами, самолетами, наземными пунктами слежения, где находились его товарищи космонавты. В каждом слове с Земли он чувствовал поддержку.

Наблюдая за показаниями приборов, Гагарин определил, что «Восток», двигаясь по намеченной орбите, вот-вот начнет полет над затененной, не освещенной Солнцем частью планеты. Вход корабля в тень произошел быстро. Моментально наступила кромешная темнота. «Восток» пролетал над океаном, золотистая пыль освещенных городов не просматривалась внизу. Свет, порожденный Землей, напоминал лунное сияние, только был ярче и чище.

Фантастически короткая ночь окончилась так же быстро, как и началась. Солнце неожиданно взлетело над краем земного шара, неистовое сияние, словно лезвие, резануло по глазам.

— Красивейшее зрелище — рассвет в космосе,— заметил космонавт.

Внизу заискрился бескрайний океан.

В 9 часов 51 минуту, через сорок четыре минуты после старта, на корабле включили автоматическую систему ориентации. После выхода «Востока» из тени она осуществила поиск и ориентацию корабля на Солнце. Зеленоватые лучи его просвечивали через земную атмосферу, горизонт стал ярко-оранжевым, постепенно переходящим во все цвета радуги: к голубому, синему, фиолетовому, черному... Юрий Гагарин пожалел, что всей этой красоты не видит его приятель космонавт и художник Алексей Леонов.

В 9 часов 52 минуты, пролетая над мысом Горн, Гагарин передал:

— Полет проходит нормально, чувствую себя хорошо. Бортовая аппаратура работает исправно.— Юрий был влюблен в корабль. Казалось, скажи шепотом, что надо, и корабль выполнит любое желание.

Космонавт сверился с графиком полета. Время выдерживалось точно. «Восток» шел со скоростью, близкой к двадцати восьми тысячам километров в час. Юрий не чувствовал ни голода, ни жажды, но по заданной программе поел и выпил воды.

С момента отрыва ракеты от стартового устройства управление всеми сложными механизмами корабля приняли на себя разумные автоматические системы. Автоматика поддерживала необходимую температуру в кабине, ориентировала корабль в пространстве, заставляла работать измерительные приборы, решала много других сложных задач. В распоряжении космонавта находилась система ручного управления полетом корабля. Стоило включить нужный тумблер, как все перешло бы в его руки. Тогда ему надо было уточнить по бортовым приборам местоположение стремительно несущегося над Землей «Востока», затем, рассчитав место посадки, ручкой управления удержать ориентацию корабля и в нужный момент запустить тормозную установку. И хотя Гагарин мог все это сделать и ему очень хотелось это сделать, он переборол желание, зная, что ручное управление попробуют его товарищи, уже готовившиеся к более сложным полетам.

С душевным трепетом всматривался космонавт в окружающий его таинственный мир, стараясь все увидеть, понять и осмыслить. В иллюминаторах отсвечивали алмазные россыпи ярких холодных звезд.

До них было еще ой как далеко и по времени, и по расстоянию, и все же с орбиты к ним было ближе, чем с Земли.

В наших записных книжках записаны и такие ласковые слова Юрия Алексеевича: «Вспомнилась мама. Она словно бы вошла в корабль и наклонилась надо мной, как в детстве, во время сна. Я даже ощутил на лице тихое ее дыхание. Вспомнилось, как она целовала меня на сон грядущий. Я писал ей: «Мама, я люблю тебя, люблю твои руки — большие и ласковые, люблю морщинки у твоих глаз и седину в твоих волосах... Никогда не беспокойся обо мне». Если Валя знала, где я, то милая моя старушка даже не догадывалась — разве только могло подсказать сердце. Космонавты умеют хранить доверенные им тайны. Вспомнив о маме, я не мог не вспомнить о Родине. Неспроста советские люди называют Родину матерью: она вечно жива, она бессмертна. Всем, чего достигает человек в жизни, он обязан Родине».

Приходили разные мысли, и все светлые, праздничные.

«А что делает сейчас Герман?» — мелькнула мысль, и Юрий как бы снова ощутил теплоту объятий друга во время прощания. Все, что он переживает в космосе, придется испытать и Титову, и другим товарищам. Будет второй, десятый, сотый космонавт... Со многими он знаком, но будут и такие, которых он не знает, наверное, уже не летчики, а ученые, монтажники, строители, может быть даже хлебопашцы, которые засеют далекие планеты семенами Земли.

В 10 часов 15 минут на подлете «Востока» к желтому африканскому материку от автоматического программного устройства прошли команды на

подготовку бортовой аппаратуры к включению тормозного двигателя. Гагарин понял: корабль почти облетел вокруг земного шара. Он рассказывал потом, как вспомнились ему строки из стихотворения о Ленине «Капитан Земли»:

Он — рулевой
И капитан,
Страшны ль с ним
Шквальные откосы?
Ведь, собранная
С разных стран,
Вся партия — его
Матросы.

Космический корабль нес идеи Ленина вокруг всей Земли... Гагарин передал очередное сообщение:

— Полет протекает нормально, состояние невесомости переношу хорошо.

Космонавт владел своими силами, мыслями, чувствами. Летный опыт приучил его к выдержке и самообладанию. Он не испытывал ни тошноты, ни головокружения, да и откуда они могли взяться, если он, будучи летчиком, мастерски выполнял фигуры высшего пилотажа — штопоры, бочки, развороты, пике...

Наступал заключительный этап полета, может быть, еще более ответственный, чем выход на орбиту и полет по орбите,— возвращение на Землю. Космонавта ожидал переход от состояния невесомости к новым, может быть, еще более сильным перегрузкам и колоссальному разогреву внешней оболочки корабля при входе в плотные слои атмосферы. До сих пор в космическом полете все проходило примерно так же, как во время тренировок на Земле.

А как будет в последние, завершающие минуты? Все ли системы сработают нормально, не подстерегает ли космонавта непредвиденная опасность? Автоматика — величайшая сила, но на всякий случай по «глобусу» — умнейшему прибору, установленному в кабине «Востока», Юрий Алексеевич определил свое местоположение и приготовился взять управление в руки.

Система ориентации корабля была солнечной, оснащенной специальными датчиками. Датчики «ловят» Солнце и «удерживают» его в определенном положении, так чтобы тормозная двигательная установка была направлена против полета. В 10 часов 25 минут произошло автоматическое включение тормозного устройства. Оно сработало безукоризненно, в заданное время. «Восток», сбавляя скорость, переместился с орбиты на траекторию спуска. Корабль погружался в плотные слои атмосферы. Его наружная оболочка быстро накалялась, и сквозь шторки, прикрывающие иллюминаторы, было видно, как нежно-розовый свет все более сгущался, стал алым, пурпурным, превратился в жутковатое багровое пламя, бушующее вокруг корабля.

— Я невольно посмотрел на термометр,— вспоминал потом Гагарин.— Но в кабине было двадцать градусов тепла.

Невесомость исчезла. Космонавт напряг тело: чем сильней напряжены мускулы, тем выше кровяное давление, и человек легче справляется с воздействием силы, во много раз превышающей его собственный вес. Нарастающие перегрузки вжали космонавта в кресло. Они все увеличивались и давили сильнее, чем при взлете.

Когда стало ясно, что все системы сработали отлично и спуск проходит успешно, летчик от

избытка чувств, охвативших его, громко запел любимую песню:

Родина слышит,
Родина знает...

Он выдержал все испытания, преодолел все преграды.

Высота быстро уменьшалась. Десять тысяч метров... Девять тысяч... Восемь... Семь... В иллюминаторе блеснула голубая лента Волги. Юрий узнал ее берега, над которыми учил его летать Дмитрий Павлович Мартьянов. Все было знакомо: и широкие дали, и поля, и рощи, и дороги, и Саратов, дома которого, как детские кубики, громоздились вдали...

В 10 часов 55 минут, облетев земной шар, «Восток» благополучно опустился на вспаханное под зябь поле колхоза «Ленинский путь», юго-западнее города Энгельса, неподалеку от деревни Смеловки. Случилось как в хорошем романе: возвращение Гагарина из космоса произошло в знакомых местах, где он впервые в жизни летал на самолете. Шесть лет прошло с той поры! Но как изменились мерила! Теперь он летел в двести раз быстрее, в двести раз выше!

Ступив на твердую почву, Юрий Алексеевич увидел женщину с девочкой, стоявших возле пятнистого теленка и с любопытством наблюдавших за ним. Они несмело направились навстречу. Но, чем ближе подходили, шаги их становились медленнее. Ярко-оранжевый скафандр немного их пугал. Еще и года не прошло, как советские ракетчики в районе Свердловска сбили американский разведывательный самолет и пленили шпиона Фрэнсиса Гарри Пауэрса.

— Свой, товарищи, свой! — ощущая холодок волнения, крикнул Юрий, сорвав с головы гермошлем.

Встретили его жена лесника Анна Акимовна Тахтарова и ее шестилетняя внучка Рита.

— Юрий Гагарин! Юрий... Гагарин! — радостно кричали подбегавшие с полевого стана трактористы.

Прибыла группа солдат с офицером, проезжавших на грузовиках по шоссе. Они обнимали космонавта, жали ему руки. Кто-то назвал его майором. Юрий понял, что, пока находился в полете, ему присвоили внеочередное звание через одну ступень. У кого-то нашелся фотоаппарат, все встали большой группой и сфотографировались.

Вместе с солдатами Юрий направился к своему опаленному кораблю. Он красовался среди вспаханного поля, в нескольких десятках метров от глубокого оврага, в котором шумели весенние воды. Космонавт оглядел «Восток». Корабль и его внутренности были в исправности, их можно вновь использовать для полета. Чувство огромной радости переполнило Гагарина. Он был счастлив от сознания того, что первый полет человека в космос совершен в Советском Союзе, отечественная наука продвинулась вперед.

Через несколько минут из группы встречи за Гагариным прилетел вертолет. В нем были спортивные комиссары, зарегистрировавшие рекордный полет. Комиссары остались у «Востока», а Юрий Алексеевич улетел на командный пункт группы.

В первые часы возвращения на Землю у Гагарина произошло много радостных встреч со знакомыми и незнакомыми людьми. Особенно трогательно прошло свидание с Германом Титовым, прилетевшим на реактивном самолете с космодрома. Друзья обнялись и от избытка чувств тузили друг друга кулаками.

— Доволен? — спросил Титов.

— Очень,— ответил Юрий,— ты будешь также доволен в следующий раз...

Включившись в общий восторг, охвативший планету, мы писали тогда в «Правде»: «За сто восемь минут советский человек сделал больше, чем за всю свою жизнь совершили Колумб, открывший Америку, Магеллан, обогнувший на корабле земной шар, Пири и Амундсен, оставившие флаги своих наций на Северном и Южном полюсах. Один советский человек сделал больше, чем все, вместе взятые, путешественники, одну за другой открывавшие новые страны».

...Первое утро после возвращения из космического полета у Гагарина, как всегда, началось с физической зарядки. А после завтрака в кремовом особняке на обрывистом берегу Волги собрались ученые и специалисты, снаряжавшие «Восток» в рейс вокруг Земли. Среди них заметно выделялась коренастая фигура Главного Конструктора. Он улыбался, и лицо его помолодело. После того как человек поднялся в космос и, облетев планету, вернулся домой, он считал, что не зря жил на земле. Главный Конструктор обнял Гагарина и расцеловал его. Так вот во время войны генералы нередко приветствовали солдат, выполнивших важное боевое задание.

Юрий Алексеевич сделал собравшимся первый доклад о работе технических систем корабля в полете, обо всем увиденном и пережитом за пределами земной атмосферы. Он не информировал, не рассказывал, он живописал. Слушали его внимательно. Впечатлений было много. Посыпались вопросы. Гагарин отвечал точно, понимая, насколько это важно для последующей работы по освоению космоса.

С улыбкой взлетел он в космос, с улыбкой вернулся на землю. Восторженным и счастливым,

с синими глазами, полными солнечного блеска, молодым и сильным встретили мы его на ликующей весенней земле. Таким он и вошел навсегда в историю человечества.

После короткого перерыва Юрию Алексеевичу снова пришлось говорить. На этот раз перед корреспондентами «Правды» и «Известий». Это было его первое интервью для прессы. Беседа велась в дружеском и немножко шутливом тоне. Журналисты понимали Гагарина с полуслова, а ему было жалко, что на беседу не пригласили корреспондента саратовской комсомольской газеты «Заря молодежи», газеты, напечатавшей о нем первую заметку, когда он учился в аэроклубе.

Потом, когда вся мировая пресса писала о нем, наделяя его самыми возвышенными добродетелями, называя то новым Колумбом, то новым Прометеем, он, мучительно краснея от неумеренных похвал, не раз вспоминал эту маленькую заметку.

— Первая похвала, как первый дождь для посева...

Сын колхозника, родившийся в деревне, научившийся грамоте в сельской школе, Гагарин часто употреблял в разговорной речи крестьянские образы и сравнения. У него был свой устно-поэтический стиль, пересыпанный народной фразеологией: пословицами, поговорками, прибаутками, свои излюбленные выражения и слова.

Мы, седоголовые журналисты, немало повидавшие в жизни, как мальчишки, влюбленными глазами глядели на космонавта, записывали все, что говорил Гагарин.

Полтораста с лишним лет потребовалось человеку, чтобы после смелого подъема на воздушном шаре построить первый в мире самолет. Вдвое мень-

ше — семьдесят пять лет — прошло со времени испытания этого самолета, построенного и испробованного нашим соотечественником Александром Можайским на Красносельском поле под Петербургом, до момента запуска первого советского искусственного спутника Земли. И во много раз меньше — всего несколько лет оказалось достаточно для Советского Союза, чтобы после стартов космических ракет, ушедших в межпланетное пространство, после опытов с Лайкой, Белкой и другими четвероногими небесными путешественницами вывести в космос первого человека!

Гагарин пережил то, что до него ни один человек в мире не переживал. Он был занят напряженной работой, наблюдал за приборами и аппаратурой корабля, за поведением собственного сердца, за окружающим его необыкновенным миром. Зоркими, проницательными глазами вглядывался в очертания далекой, милой и родной Земли — колыбели человечества.

Он был занят и дорожил каждой секундой: все надо было увидеть, услышать, ощутить, понять, запомнить. Он торопливо записывал свои ощущения и передавал их людям на Землю.

С орбиты космического корабля в ином свете предстали перед ним наша планета и небо, и звезды, и Солнце. Увиденное поразило его.

— Красота-то какая! — не удержавшись, воскликнул Юрий Гагарин, и это услышали на Земле.

Вернувшись, он рассказал о нежном голубом ореоле, окружающем нашу планету, о чарующих плавных переходах красок на горизонте.

Он запнулся, подыскивая сравнение, которое могло бы передать все увиденное:

— Ну как бы вам пояснить — необычно... Как, как на полотнах Рериха.

Корабль «Восток» шел над полями, лесами и горами родной страны. И синие реки выглядели, как жилы на теле богатыря, занятого титаническим трудом созидания. Страна разворачивалась перед восхищенным взором космонавта, как одно сплошное поле, засеянное плодородными семенами. Внизу, в просветах облаков, угадывались дымы заводов, плотины гидростанций и серебряная пряжа проводов, несущих электрический ток. Картины цветущей Родины волновали летчика, наполняли сердце гордостью. Туда, к нему, на огромную высоту, долетали песни, славящие Ленина, партию, советский народ. Они словно незримыми нитями связывали его с советской землей, он был ее сыном. Сердца всех людей были открыты ему.

Было радостно и немножко жутковато от сознания, что ему доверили космический корабль — бесценное сокровище государства, в которое вложено много труда, ума и народных денег.

На другой день перед отлетом в Москву Юрий Алексеевич встретился с Мартьяновым — своим первым инструктором, работавшим в Саратовском аэроклубе. Оба летчика обрадовались друг другу.

— Спасибо, Дмитрий Павлович, что научили летать,— поблагодарил Юрий.

— Крылья растут от летания,— ответил инструктор и протянул своему воспитаннику кипу центральных газет.

Гагарину было приятно прочесть свой рассказ, записанный журналистами. Это была первая корреспонденция о полете в космос, написанная торжественным, приподнятым стилем. Из газет он узнал,

как встретили известие о его полете родители в Гжатске и Валя, оставшаяся дома с ребятами. Он дважды перечитал рассказ матери о его детстве, долго рассматривал фотографию Вали, сделанную в момент, когда ей сообщили: дана команда на приземление.

— Представляю, что переживала жена в эти минуты...

Газеты и радовали и смущали неумеренностью похвал. Хотелось сесть и написать, что дело не в нем одном, что тысячи ученых, инженеров и рабочих готовили полет, который мог осуществить каждый из его товарищей космонавтов. Радио, бесконечно повторявшее Гагарин, Гагарин, Гагарин... Газеты с его портретами и статьями академиков о полете были только началом. Впереди ждали еще большие переживания.

За ним из Москвы прилетел самолет ИЛ-18.

На подлете к столице к воздушному лайнеру пристроился почетный эскорт истребителей — семь красавцев МИГов. На таких самолетах во время службы на Севере немало полетал и Гагарин. Самолеты прижались к ИЛ-18 настолько близко, что космонавт видел улыбающиеся лица летчиков. Он посмотрел вниз и ахнул. Улицы Москвы были запружены потоками народа. Со всех концов столицы живые человеческие реки, над которыми, как паруса, надувались алые знамена, стекались к стенам Кремля.

Самолет низко прошел над главными магистралями города и направился на Внуковский аэродром. Там была масса встречающих, плотно окруживших трибуну, на которой находились члены Президиума ЦК КПСС, министры, семья Гагарина.

ИЛ-18 приземлился и начал выруливать к центральному зданию аэропорта. Космонавт надел парадную офицерскую шинель с новенькими майор-

скими погонами, оглядел свое отражение в иллюминаторе самолета и, когда машина остановилась, через раскрытую дверь по трапу спустился вниз. К трибуне, переполненной людьми, окруженной горами весенних цветов, от самолета пролегла ярко-красная ковровая дорожка. Надо было идти по ней, и идти одному. Никогда, даже в космическом корабле, Юрий не волновался так, как в эту минуту. Дорожка была длинная-предлинная. И пока Юрий шел по ней, он успокоился. В торжественной тишине зазвучали слова его рапорта:

— Первый в истории человечества полет на советском космическом корабле «Восток» 12 апреля успешно совершен. Все приборы и оборудование корабля работали четко и безупречно. Чувствую себя отлично. Готов выполнить новое любое задание нашей партии и правительства... Майор Гагарин!

После рапорта начались объятия, поцелуи, рукопожатия. Обнимали жена, дети, руководители партии и правительства. Алексей Иванович крепко поцеловал сына. Он не делал этого с тех пор, как Юра пошел в школу.

В этот день впервые разгулялась по-весеннему теплая и ласковая погода. Кортеж правительственных машин направился из Внукова в Москву. На всем пути шпалерами стоял народ, приветствуя космонавта, а вместе с ним небывалое достижение советской науки и техники. На фасадах домов трепетали красные флаги, ветер надувал лозунги и транспаранты. Люди махали вымпелами, букетами цветов. Гремели оркестры. Взрослые поднимали над головами детей.

В истории немало страниц с описанием встреч первооткрывателей. Встречали с победой Христофора Колумба. Ликуя, встречал советский народ

первых Героев Советского Союза летчиков и участников челюскинской эпопеи, экипажи Валерия Чкалова и Михаила Громова, проложивших воздушные пути через Северный полюс в Америку, смелых папанинцев. Но такого всеобщего ликования и восторга, какие охватили советских людей, когда радио донесло: «Человек — в космосе!» и когда этот человек-герой вернулся в Москву, еще никогда не было! Внимание жителей всех континентов, людей всех рас, социальных убеждений и вероисповеданий сосредоточилось на одной точке планеты. И этой сияющей точкой земного шара была Москва.

Наверное, ни один человек в мире не испытывал то, что пришлось в этот праздничный день пережить Юрию Гагарину. И вот она, Красная площадь. От края до края ее заполнили люди. На грандиозном митинге первое слово предоставили Гагарину. У него перехватило дыхание: все, происходившее вокруг, слушала не только Родина, но и передавалось на телевизоры Европы, а радио работало на весь мир. Юрий Алексеевич говорил кратко: поблагодарил партию и правительство, ученых, инженеров, техников и рабочих, создавших корабль. Подтвердил, что все летчики-космонавты готовы совершить полет в просторы Вселенной.

Многие творцы спутников Земли и легендарного космического корабля «Восток» были на Красной площади в момент торжественного чествования героя-космонавта, воздавая хвалу тому, чей подвиг стал венцом немеркнущей славы их разума и труда. Приветствуя Гагарина, народ в его лице приветствовал также и тех, кто построил и снарядил в полет космический корабль.

Встреча героя-космонавта в Москве стала праздником молодости XX века. Все вдруг поняли, что

нынешнему поколению предстоит прокладывать трассы к планетам, заставлять их служить человечеству. Наследникам тех, кто в бурную октябрьскую ночь штурмовал Зимний, наследникам героев первых пятилеток и тех, кто отстоял Сталинград и в Берлине завершил разгром германского фашизма,— им, высокообразованным и сильным, воспитанным на героической истории своего великого народа и Коммунистической партии, открыт путь в широкие звездные дали.

Молодое поколение обратило взоры к небу. Возникло новое страстное желание быть астрономами, космонавтами, учеными. Но ничто не дается легко, и слава не падает с неба в руки. Все знали, сколько труда и усилий затрачено на формирование характера Юрия Гагарина! С молоком матери Анны Тимофеевны — дочери путиловского рабочего Матвеева — впитал Юрий любовь к Родине, к труду. Маленьким мальчиком он видел, как руки его отца — колхозного плотника Алексея Ивановича создавали простые, но полезные людям вещи. Детство его прошло в среде трудовых людей. Босиком бегал он по росистой траве и по жнивью, питался черным хлебом, знал цену копейке.

Не по книгам и не по рассказам старших узнал маленький Юра, какие бедствия приносит война. Его старшего брата Валентина и сестру Зою угнали фашисты в неволю. Он видел, как рвали голубое небо огненные трассы пулеметных очередей, как кромсали родную землю фашистские бомбы. В год, когда ему надо было идти в школу, он услышал о подвиге Николая Гастелло и узнал о том, как можно, любя жизнь, презирать смерть.

Начальная школа. Первое таинство складывания букв в слова. Замечательный человек учитель

физики Лев Михайлович Беспалов. Похожие на колдовство опыты в физическом кабинете, знакомство с несложными приборами и законами природы. Небольшая библиотека в доме учителя, к которому часто приходили ребята. Полка с книгами, на которой Юра нашел томик произведений Циолковского. Он хорошо запомнил поразившую его воображение фразу ученого «Земля — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели».

Как-то школьники, поглядывая на созвездия с поэтическими именами, весь вечер проговорили с учителем о Циолковском.

— Кто же первым полетит на сказочном корабле, о котором пишет Константин Эдуардович?

— Кто знает,— ответил учитель,— может быть, кто-нибудь из вас, ребята...

Космонавт был молод. И биография его — типичное жизнеописание молодых представителей нового поколения советского рабочего класса. Он, как и тысячи юношей и девушек, начал трудовую жизнь у станка в ремесленном училище. Первой его форменной одеждой была темная, наглухо застегнутая гимнастерка, туго подпоясанная ремнем со светлой бляхой. Ремесленники могут гордиться, что из их молодого, охваченного романтикой поколения вошел в легенду первый в мире космонавт.

Десять лет как самое дорогое хранил он на груди комсомольский билет.

«Я желаю принести как можно больше пользы своей Родине,— писал Юрий, поступая в Саратовский индустриальный техникум.— Все требования, предъявленные ко мне, обязуюсь выполнять честно и беспрекословно!»

Вся сознательная жизнь его была как бы подготовкой к подвигу, о котором мечтали лучшие умы

человечества. К этому подвигу Юрия готовили семья, школа, комсомол, завод, техникум, аэроклуб, офицерское училище, Коммунистическая партия, среда ученых, конструкторов, специалистов, снаряжавших его в полет.

Три часа шумно текла живая человеческая река через историческую площадь. А затем разговор с семьей. Отец рассказал сыну о том, как узнал о полете «Востока». В тот день Алексей Иванович отправился плотничать за двенадцать километров от Гжатска, в село, где строилась колхозная чайная. На перевозе через речку знакомый лодочник спросил:

— В каком звании сынок-то твой ходит?

— В старших лейтенантах...

— По радио передавали, будто какой-то майор Гагарин вроде бы на Луну полетел.

— Ну моему до майора еще далеко,— сказал Алексей Иванович.

— Может, сродник какой? — не унимался перевозчик.

— Да мало ли Гагариных на свете...

На том разговор и окончился. Старики перебрались через по-весеннему разлившуюся речку, выпили «чекушку» за того, кто летает, закусили таранкой, и Алексей Иванович, взвалив на плечи плотничий инструмент, пошел своей дорогой. Часа три помахал топором на деревянных стропилах чайной, и тут подкатывает секретарь райкома партии.

— Куда ты запропал, Алексей Иванович? Ищем по всему району. Твой Юрий слетал в космос и вернулся на Землю...

Они сели в машину и помчались в Гжатск. А там у деревянного домика Гагариных на Ленинградской улице собрался весь город...

Вдоволь посмеявшись над рассказом отца, многочисленная семья Гагариных направилась в Большой Кремлевский дворец на прием, устроенный Центральным Комитетом КПСС, Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР в честь выдающегося подвига ученых, инженеров, техников и рабочих, обеспечивших успешное осуществление первого в мире полета человека в космическое пространство. Все было необычно. Светились тяжелые гроздья люстр. Звучали фанфары, сводный хор и симфонический оркестр исполняли «Славься» из оперы «Иван Сусанин». Никто из Гагариных до этого не был в Кремле, не видел сверкающего белизной мрамора Георгиевского зала. С интересом читал Алексей Иванович высеченные золотом наименования воинских частей, прославивших доблесть русских солдат.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Ильич Брежнев после оглашения Указов прикрепил к парадному офицерскому мундиру Юрия Гагарина орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. Тут же было обнародовано, что все создатели космического корабля представлены к правительственным наградам.

На следующий день утром в Доме ученых Академия наук и Министерство иностранных дел устроили пресс-конференцию. Собралось около тысячи человек. Гагарину вручили золотую медаль К. Э. Циолковского.

Рассказав собравшимся, как протекал космический полет, Юрий Алексеевич закончил выступление так:

— Летать понравилось. Хочу слетать к Венере и Марсу, по-настоящему полетать.

СТАНОВЛЕНИЕ. Ежедневно в редакции газет и домой к Гагарину приходило множество телеграмм и писем. Писали со всех концов Советского Союза, со всех материков Земли, знакомые и незнакомые люди. Некоторые присылали подарки. Многих его товарищей по Гжатску, Саратову, Оренбургу судьба разбросала по всей стране, и теперь они откликались отовсюду, приветствовали, напоминали о себе. Растрогала Юрия весточка от Анатолия Ильяшенко, который рекомендовал Гагарина в партию. Он писал: «Ах ты, Юрка, Юрка-непоседа, когда ты уезжал, помнишь, я говорил тебе: готовься к штурму. Я был уверен, весь мир услышит о тебе...»

Пришло великолепное письмо из Парижа. Написал его Франсуа де Жоффр — офицер ордена Почетного легиона, кавалер ордена Красного Знамени, автор книги «Нормандия — Неман».

Товарищи Гагарина, с которыми он служил в армии, не только писали, но и приезжали в гости. Первыми на-

грянули Вдовины. Приехали в воскресенье из Калуги. Демобилизовавшись из армии, Борис Федорович воспитывал в этом городе летную молодежь. Они не знали, где живет семья космонавта, и явились к нам в «Правду». Мы объяснили, как найти Юрия Алексеевича.

Здесь уместно напомнить, что сразу после полета «Востока» Моссовет выделил космонавту на Кутузовском проспекте большую четырехкомнатную, хорошо меблированную квартиру. Но Гагарин наотрез отказался от нее и вернулся в свои старые пенаты — две комнаты на пятом этаже стандартного гарнизонного дома.

Когда Юрий открыл дверь, то не сразу узнал своего прежнего командира. До этого он никогда не видел его в штатском. Перед ним стоял человек в пиджаке и шляпе, из-под которой сияли небесной голубизны глаза.

— Юра!

— Боря!

Летчики бросились в объятия друг другу. Обнялись и расцеловались их жены. Валя потащила гостей к маленькой: Вдовины еще не видели Галинку... Пообедали вместе. И пошло, и пошло... Вспомнили однополчан, потолковали о космосе, о Калуге и не заметили, как зажужжали жуки и наступил тихий майский вечер. Борис Федорович украдкой поглядывал на часы и делал знаки Марии Савельевне: время, мол, уходить...

— Ну что же, Юра, как говорится, пора нам и честь знать,— сказал он, поднимаясь,— не станем мешать, ты человек видный, тебе теперь не до нас.

Чуткая Мария Савельевна поняла, как больно эти слова задели и Юрия, и Валю.

— Как ты можешь так говорить, Борис,— ска-

зала она,— разве ты не видишь, что Гагарины остались такими, как прежде.

Вдовины остались ночевать. Было тесновато, и все устроились на ночь по-походному: кто на раскладушке, кто на диванчике. Но так и не уснули до утра: все разговаривали, перебирали в памяти события и людей... Вспомнили, как Юрий после окончания Оренбургского училища выбрал назначение в авиаполк, базировавшийся на далеком Севере.

— Почему на Север? — спрашивала Валя.

— Потому что там всегда трудно,— отвечал он.

Молодожены решили: на первых порах Юрий отправится к месту службы один, а когда Валя закончит медицинское училище, немедленно приедет к нему. Так и поступили.

На Севере молодых летчиков — Гагарина и его друзей зачислили в 3-ю эскадрилью Н-ского истребительного полка, славного своими боевыми традициями. Гагарин попал в звено, командиром которого был Леонид Данилович Васильев — старший лейтенант. Он считал себя старожилом Севера. Не раз во время полетов с честью выходил из ловушек, которые то и дело подстраивает капризная, изменчивая северная природа с ее внезапными снежными зарядами, густыми туманами и непрерывным ветром, задувающим с Ледовитого океана.

Свирепствовал лютый январь. Непроглядная ночная темень придавила землю, засыпанную глубоким снегом. Но над взлетно-посадочной полосой не утихал турбинный гул. Жила летная молодежь дружной, спаянной семьей. Если приходило письмо, оно становилось достоянием всех. Его читали вслух, как на войне.

Вскоре молодые летчики сдали зачеты на право эксплуатации самолетов в условиях Севера. Особен-

ностей действительно было много, и знать их должен был каждый. Летать начали в конце марта, когда во всем уже чувствовалось дыхание весны и длинная полярная ночь стала уступать такому же длинному полярному дню.

Как только Валя окончила училище и получила диплом фельдшера-лаборанта, она тотчас приехала на Север. Первые дни никак не могла привыкнуть к северной природе, к хмурому, моросящему небу, к сырости, к белым ночам: проснется, а на улице светло, как днем. Станет тормошить Юрия — проспал, мол, полеты. А он смеется:

— Сюда петухов привезли, так они все путали: не знали, когда кукарекать...

Осень на Севере наступает рано. Надо было заготовить на зиму топливо. Молодые Гагарины по вечерам пилили дрова, потом Юрий их колол и складывал в поленницу.

Прошла короткая осень, и наступила зима с ее длинной полярной ночью. Юрий и Валя часто любовались трепетным северным сиянием, охватывающим полнеба. Юрий нередко летал в мерцающем свете серебристо-голубоватых сполохов, соединяющих небо и землю, и, вернувшись домой, рассказывал жене о том, насколько красивее выглядят они с высоты многих тысяч метров.

Вечерами молодожены читали книги. Обыкновенно, лежа на койке, Юрий читал, а Валя, занятая домашними делами, слушала. К сожалению, подобных «вечеров громкого чтения» было не так много. Валя была занята общественной работой, а Юрий учился в вечернем университете марксизма-ленинизма. Занятия требовали непрерывного обращения к первоисточникам — трудам Маркса, Энгельса, Ленина. За полночь просиживал офицер над книгами

с карандашом в руках, исписывая тетради конспектами к семинарам. Семинары проходили оживленно. Разбирая очередную тему, слушатели обменивались мнениями, приводили интересные житейские примеры. В сочинениях Владимира Ильича Ленина летчики находили ответы на многие вопросы современности. Юрий переписывал из его книги себе в тетрадь: «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...»

...Через некоторое время Юрий Алексеевич слетал в Оренбург, побывал в родном авиационном училище, повидался с преподавателями, выступил перед курсантами.

— Думал ли ты, Юрий Алексеевич,— спросил Ядкар Акбулатов, летчик-инструктор, обучавший его летному мастерству,— что твоя фотография украсит галерею портретов наших выпускников, ставших Героями Советского Союза?

— Много еще места в этой галерее,— ответил Юрий и показал на курсантов, не спускавших с него восторженных глаз.— Кто знает, чьи портреты еще придется увидеть здесь?! В нашей стране каждый может стать героем.

Упорство в достижении поставленной цели — отличительная черта характера Гагарина. Он ничего не делал наполовину, учился без праздников и выходных. Почетные грамоты и дипломы отмечали учение Гагарина и в школе, и в техникуме, и в аэроклубе, и в воздушной инженерной академии, которую он окончил накануне своей трагической гибели. По высшему разряду закончил он Оренбургское авиационное училище, которое в свое время воспи-

тало пионера реактивного летания Григория Бахчиванджи.

Мы видели любопытный документ, в нем сказано: «Представление к присвоению звания лейтенанта курсанту Гагарину Юрию Алексеевичу. За время обучения в училище показал себя дисциплинированным, политически грамотным курсантом. Уставы Советской Армии знает и практически их выполняет. Строевая и физическая подготовка хорошая. Теоретическая — отличная. Летную программу усваивает успешно, а приобретенные знания закрепляет прочно. Летать любит, летает смело и уверенно. Государственные экзамены по технике пилотирования и боевому применению сдал с оценкой «отлично». Материальную часть самолета эксплуатирует грамотно. Училище окончил по первому разряду. Делу Коммунистической партии Советского Союза и социалистической Родине предан».

Со степным Оренбургом у Юрия Алексеевича связано много хороших воспоминаний. Они измеряются не только цифрами налетанных часов и совершенных посадок. Главное — дух училища, впитанный в плоть и кровь: 134 Героя Советского Союза дало это училище стране, и каждый своим примером вдохновлял и учил молодого авиатора.

В Оренбурге Юрий Гагарин узнал о запуске первого советского искусственного спутника Земли. Там нашел он и спутницу своей жизни Валентину Ивановну — милую и нежную жену, которая в решительный момент его жизни проявила характер, волю, выдержку, высокое понимание своего долга.

Охваченный жаждой неизведанного и прекрасного, повинуясь зову времени и собственного сердца, молодой военный летчик написал рапорт с просьбой доверить ему полет в космос. Этому смелому реше-

нию предшествовали беседы с женой. Только с ней, самым близким человеком, мог разделить он сомнения, тревоги, надежды, обуревавшие все его существо.

— Если ты уверен в себе — решайся,— ответила Валентина Ивановна.

— А если?..

Они знали, что кроется за недосказанным вопросом. Ведь никто не мог дать гарантии, что проводы в космос не явятся последними. Но женщина с большой душой, понимая устремления беспокойного мужа, целиком разделяя их, успокаивала:

— Все будет хорошо...

Рапорт, как того требует военный устав, был подан по команде. Гагарин был терпелив и умел ждать. Потянулись дни ожидания. А жизнь продолжалась: старший лейтенант Гагарин жил в военном городке на Севере, по утрам уходил на аэродром, летал, нес дежурства, в свободное время играл в баскетбол, бегал на лыжах, пел в самодеятельном хоре, учился в вечернем университете марксизма-ленинизма, редактировал «Боевой листок», читал трагедии Уильяма Шекспира и романы Леонида Леонова, нянчился с дочкой.

В эскадрилье любили молодого летчика. Он слыл исполнительным, дисциплинированным офицером. Летал грамотно и уверенно. Товарищи высоко ценили его скромность, принципиальность, отзывчивость, трудолюбие. И когда Юрий Гагарин на листке из ученической тетради написал в заявлении: «Хочу быть активным членом КПСС, активно участвовать в жизни страны...», коммунисты Владимир Решетов, Анатолий Росляков и Анатолий Ильяшенко с легким сердцем рекомендовали его в ряды Коммунистической партии.

Юрию Гагарину был вручен партийный билет № 08909627.

...Ветер времени листал страницы календаря. Наконец было получено «добро!», последовал вызов в Москву. Началась подготовка к полету в космос. Гагарин попал в новую для него обстановку. Все было загадочно, таинственно, необыкновенно. И машины, приучающие живой организм к перегрузкам — центрифуги и вибростенды, и люди, знакомящие его со сложным устройством космического корабля, и длительные тренировки в кабинах, похожих на ту, в которой придется лететь в неведомый мир. На столе у летчика появились учебники по астрономии, геофизике, биологии. Живой и восприимчивый ум будущего космонавта-героя позволил ему быстро приобрести навыки научного работника, а вскоре стать соавтором коллективного труда многих ученых.

...После всех торжественных церемоний Юрию не терпелось погостить в Гжатске, съездить в родное село Клушино, где прошли детские годы, повидать земляков. И вот они, милые его сердцу, раздольные края. Глубокая и чистая река Гжать, опушенная метелками камыша, березовые рощи и перелески, полевые дороги среди цветущей ржи и льна и цоканье соловьев — тьох, тьох, тьох... Все — как в детстве. Только появились высоковольтные линии электропередач, да на дорогах стало больше машин, да еще кварталы новых домов в городе, новая больница и школа.

Отец с матерью встретили его в новом доме, все на той же Ленинградской улице, где прошло его детство. Советское правительство подарило родителям

Юрия Гагарина новый домик, окруженный небольшим яблоневым садом. Построили его напротив старой избы, которую Алексей Иванович перевез когда-то из Клушина и собрал своими руками.

Много было радостных, приятных встреч в празднично разукрашенном Гжатске. Юрий ходил на Московскую улицу в школу, посидел за своей прежней партой, побеседовал со своими учителями. На митинге в городе, расцвеченном флагами, он обнялся с учителем физики Беспаловым. Кто знает, не повстречай его на своем пути и, может быть, не стал бы космонавтом.

Гагарин сказал с трибуны:

— Это так важно — с детства определять свой жизненный путь и идти по нему, не сворачивая в сторону. Лев Михайлович привил мне любовь к точным наукам.

В доме за столом, у которого хлопотала гостеприимная Анна Тимофеевна, собрались многочисленные родственники: сестра Зоя с мужем — фрезеровщиком радиозавода Дмитрием Бруевичем, с четырнадцатилетней дочерью Тамарой и десятилетним сыном Юрой; брат Борис — рабочий радиозавода, брат Валентин — шофер на грузовике. Вся бывшая колхозная семья Гагариных, ставшая рабочей семьей.

Июньским вечером шестьдесят первого года, когда в «Правде» версталась очередная глава записок Гагарина, пришло сообщение о том, что Президиум Верховного Совета СССР своим Указом наградил около семи тысяч рабочих, конструкторов, ученых, инженерно-технических работников — создателей ракетной и космической техники, осуществивших первый в мире полет в космос человека на корабле-спутнике «Восток».

Редколлегия «Правды» поинтересовалась, что думает об Указе Юрий Гагарин? Позвонили ему домой. Валентина Ивановна ответила:

— Юра у своих родителей в Гжатске...

В Гжатске? Где там его искать? Пожалуй, сразу не найдешь, а время позднее: через два часа газету начнут печатать. И вдруг резкий звонок — на проводе Гжатск. В телефонной трубке знакомый голос:

— Только что услыхал по радио приятную новость. Не удержался и позвонил вам... Если не поздно, давайте сочиним заметку в газету?

— Еще не поздно, диктуйте.

И Гагарин продиктовал сердечные слова, воздающие дань советской науке, технике, промышленности, ее людям.

Заканчивая разговор, Гагарин пригласил нас приехать к нему на родину. Светало, когда, сняв с ротации сотню пахнущих типографской краской экземпляров только что вышедшего номера «Правды», мы покатили по старинной Смоленской дороге.

Зеленый разлив раздольных гжатских полей. В синем небе переливчато заливаются жаворонки. Полевые дороги среди цветущих ржи и льна. Благословенный край, где ласточки день начинают, а соловьи кончают.

На скошенном лугу возле реки собрались родственники и друзья космонавта. Среди них не сразу найдешь Юрия Алексеевича. Секретари райкома партии, одетые в косоворотки распояской, ловят рыбу, а он в футбольных трусах и белой безрукавке хлопочет у костра.

— Газету привезли? — увидев нас, спросил космонавт.

Раскрыв «Правду», Гагарин вслух прочел собравшимся Указ о награждении многих исследова-

телей космического пространства и создателей космической техники. Лицо его озарилось довольной улыбкой. Он рад за всех, чей труд отмечен правительственными наградами. Многих он знал, встречался с ними на тренировках, в лабораториях, на космодроме.

Наступило время завтрака, и Гагарин налил каждому по миске пахучей, отдающей дымком, сдобренной перцем и луком ухи, оделил большими ломтями ржаного хлеба. Когда все расселись на скошенной траве, держа в одной руке деревянную ложку, а в другой полную чарку, кто-то из земляков предложил первый тост за первого космонавта.

— Э нет, так не пойдет,— запротестовал Юрий Алексеевич.— Первый тост — за нашу партию.

На реке было весело, разливался смех, зажигались и погасали песни. Купались, ловили рыбу. Космонавт смеялся:

— Чтобы рыбу есть, надо в воду лезть.

Колхозники из близлежащих деревень принесли молока, яиц, воскресных пирогов. Всем хотелось поглядеть на знаменитого земляка. А он то нырял в реку, то помогал тянуть бредень, то срывал водяные лилии, то, как мальчик, резвился на лугу, бегая взапуски с ребятишками, нагрянувшими со всей округи.

В полдень мы с Гагариным отправились вдоль реки. Юрий Алексеевич был доволен днем, проводимым в родных местах. Мы смотрели в его приветливое, открытое лицо, слушали его восторженные возгласы то о прелести неба, то о красоте полей и рощ и находили в его облике черты многих знакомых нам молодых людей.

— Ваш полет собрал большой урожай — почти семь тысяч орденов!

— Что вы,— замахал руками Гагарин,— это семь тысяч человек своим трудом добыли мне Золотую Звезду...

Он следил за пчелами, пролетавшими со взятки, рвал полевые цветы — насобирал охапку, умело перевязав ее тонкими стеблями повилики, передал нам:

— Наверное, вы раньше увидите Валю, передайте этот букет от меня...

Недавно в этих местах прошли ливневые дожди, дороги размыло. Возвращались в Гжатск на грузовике. Машину трясло на ухабах, залитых водой. Гагарин вместе со всеми стоял в кузове, держась руками за крышу кабины. Далеко окрест разносился смех и песни. Впечатление было такое, словно с сенокоса возвращается хорошо поработавшая бригада.

В деревнях, через которые мчался грузовик, народ ждал Гагарина. Мало кто обращал внимание на веселую машину, полную хохочущих, приветственно машущих руками людей. Все думали, что космонавт едет в одном из легковых автомобилей, следовавших сзади. А он стоял в грузовике, поддерживая товарищей, и товарищи поддерживали его.

Когда вернулись в Гжатск, в старом бревенчатом доме Гагариных было полно народа — все больше родственники, близкие и дальние. Узнав о массовом награждении специалистов, причастных к полету сына, Алексей Иванович мудро изрек:

— Все это хорошо... Но почин всего дороже!

Поклонившись всем в пояс, хозяин пригласил собравшихся к столу.

— Какой гость, такая ему и честь.

Когда все расселись, Алексей Иванович поднял стакан.

— Дивны дела твои, сын, и душа моя вполне понимает это...

Мы внимательно прислушивались. Ведь за столом могли сказать что-то новое о герое. Со слов Юрия мы знали, что отец его — мастер на все руки. Он говорил образно и певуче:

— Не возьмешь топор в руки, избу не срубишь... Не топор тешет, а человек...— Алексей Иванович знал, когда и что сказать, когда помолчать, послушать других.

В суровом крестьянском облике матери и отца, в лицах братьев и сестер проглядывали красивые черты Юрия, его манера держаться, говорить, улыбаться. С выдубленного солнцем лица Алексея Ивановича глядели чистой воды глаза сына, и мы видели перед собой портрет космонавта, каким он мог стать через три десятилетия. Природа повторяла свои лучшие произведения.

Народу явилось много. Не хватало посуды. Мать послала Зою к соседям. Юрий сказал:

— Надо бы принимать гостей в новом доме, там просторней.

Эти слова не понравились Алексею Ивановичу, он топнул больной ногой о пол, прикрикнул на обремененного славой сына:

— Пока еще я хозяин в своем доме!

Юрий залился румянцем, моментально умолк.

Он с удовольствием ел простые крестьянские яства, приготовленные руками матери. На столе не оказалось пирогов с грибами. Алексей Иванович, держа в руках граненый стакан, ворчал:

— Чего жена не любит, того мужу век не едать.

Анна Тимофеевна вспомнила:

— Заболит у Юры пальчик, а у меня сердце захолодает, прямо хоть плачь.

Алексей Иванович перебил жену:

— Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — вот это сын!

Трое сыновей его сидели рядом, и все для него были равны и одинаково любимы, всех он вывел в люди, научил жить и, как сказал нам, «всем помогал по силе-мочи».

Когда гости подвыпили, кто-то из родственников затянул песню. И пошло, и пошло. Полились знакомые с детства полные русской удали песни. Юрий пел с огоньком, во всю силу. У него был голос красивого тембра — грудной, звонкий, отличимый в общем хоре.

Среди гостей выделялись своим весельем две молодые, обаятельные женщины — двоюродные сестры Юрия — Антонина и Лидия, дочери Савелия Ивановича, брата отца Юрия. Было жарко, женщины вышли на крыльцо, обмахивая разгоряченные лица ветками цветущей сирени.

— Расскажите о Юре самое памятное,— попросили мы.

— Самое памятное? Ну это когда он неожиданно прикатил к нам в Москву с деревянным сундучком в руках,— припомнила Лидия.

— Юра все волновался: как-то встретит его дядя Савелий. Наш отец работал в строительной конторе, заработки маленькие, а тут с приездом племянника в семье прибавлялся лишний рот.

— Опасения оказались напрасными, встретили мы его как родного,— улыбнулась приятным воспоминаниям Антонина Савельевна.— Мы показали ему столицу. Сводили в Третьяковскую галерею, в цирк. А затем я отвезла его в Люберцы на завод сельскохозяйственных машин. Там в ремесленное училище набирали мальчишек. Юра решил учиться

на токаря или слесаря. А оказалось, что на слесарное и токарное отделения берут только с семилетним образованием. Пошли к директору.

— Не горюй, парень,— обнадежил директор ремесленного училища,— возьмем тебя в литейщики...

Экзамены были нетрудные. Юрию выдали первую в жизни форменную одежду: фуражку с рабочей эмблемой на околыше, суконную гимнастерку, брюки навыпуск, ботинки, шинель, ремень с железной пряжкой.

Оглядев себя в зеркало, Юра сказал:

— Как солдат.

Я поправила его:

— Хватай выше, как офицер!

На последние деньги он сфотографировался и послал карточки домой.

На крыльцо, обдуваемое полевым ветром, вышел Юрий Алексеевич. Он слышал последнюю фразу двоюродной сестры.

— Хотите расскажу, как зародилась во мне мечта сделаться офицером. Даже больше того — летчиком.

Хотелось услышать нам новый рассказ, но не довелось. Гагарин лишь только начал его.

— Когда мне стукнуло семь лет, отец обнадежил: «Ну, Юрка, в сентябре пойдешь в школу...»

В этот момент Алексей Иванович высунулся из окна, позвал сына в избу. Он исчез с крыльца, но вскоре вернулся и пригласил нас в автомобиль.

— Справная машина,— и похлопал ладонью по капоту мотора, словно лошадь по крупу.

Гагарин сел за руль, и через минуту мы вырвались за зеленые околицы Гжатска.

Мы не спрашивали, куда везет нас космонавт, так как знали — в Клушино, свое родное село. Он

не торопился, по дороге припоминал, как, сотрясая небо и землю, загремела гроза войны, словно мутная вода в половодье, докатилась она до Смоленщины. Через Клушино, нагруженные домашним скарбом, молча проходили беженцы, проезжали раненые, все двигалось за тридевять земель в тыл. В деревне поговаривали: фашисты стерли с лица земли Минск, кровавые бои сотрясают Смоленск и Ельню.

Наступило долгожданное 1 сентября, и Юра со своими сверстниками направился в школу. Едва ребята познакомились с учительницей и начали выводить первые буквы да складывать палочки, разнеслось тревожное:

— Немцы совсем близко, под Вязьмой...

Над маленьким Клушино пролетели два аэроплана с красными звездами на крыльях. Первые самолеты, увиденные Юрием, как потом выяснилось, один ЯК, а другой ЛАГГ, подбитый в воздушном бою. Летчик тянул его из последних сил на болото, поросшее желтыми, как утята, кувшинками и густым камышом, затем удачно выпрыгнул почти над самой землей, а самолет упал.

Рядом с болотцем на кочковатый луг опустился и ЯК. Мальчишки со всего села кинулись на помощь. Каждому хотелось залезть в кабину самолета, посмотреть и потрогать приборы. Летчики были возбуждены и злы. Жестикулируя руками, они успокаивали себя — дорого достался немцам исковерканный ЛАГГ. Они расстегнули кожаные куртки, и на гимнастерках, словно цветы бессмертника, блеснули ордена. Мальчишки поняли, какой дорогой ценой достаются военные награды. Летчики провели ночь у ЯКа, в темноте похожего на огромную лошадь. Юрий с товарищами, как в ночном, поеживаясь от холода, перебарывая сон, не спускали

с их лиц слипающихся глаз. Ему впервые в жизни захотелось летать, быть таким же храбрым.

Горькие события разворачивались быстро, как сорвавшаяся в часах пружина. Через Клушино поспешно пропылили колонны грузовиков, торопливо провезли раненых. Колхозники заговорили об эвакуации. Собрались в неизвестную путь-дорогу и Гагарины, да не успели. Загремел гром артиллерийской канонады, низкое небо окрасилось кровавым заревом пожаров, и в село ворвались немецкие самокатчики. Семью Гагариных выгнали на улицу. Дом заняли прожорливые вражеские солдаты, которые тут же перерезали всю живность. Пришлось выкопать землянку и поселиться в ней. Жутко было ночами, когда в небе заунывно гудели моторы фашистских самолетов, летящих в сторону Москвы. Алексей Иванович не спал, все прислушивался, не ударят ли советские пушки, беспокойно шептался с Анной Тимофеевной о появившихся вблизи белорусских партизанах, тревожился о Валентине и Зое. Они почти взрослые, а в соседних селах свирепые полицаи угоняли молодежь в неволю.

Ни радио, ни газет, ни писем — никаких вестей о том, что происходит в стране! Но вскоре притаившиеся колхозники почувствовали: фашистам крепко наломали бока. Через село повезли раненых и обмороженных гитлеровских солдат. А затем взбаламученным потоком, но уже с востока на запад, потекли машины, танки, пушки... Пятились остатки эсэсовской дивизии, разгромленной в огромном сражении, развернувшемся под Москвой. Клушинцы ждали близкого часа освобождения. Но фашистам удалось удержаться на оборонительных рубежах, и многострадальное, обглоданное огнем село осталось в их ближних тылах.

Фронт медленно приближался к Клушину. Передовая оказалась в восьми километрах. Село забили немецкие войска. По нему палили из пушек, бомбили. Круглосуточно что-нибудь горело. Горький дым стлался над землей, как туман. Как-то прилетел проворный истребитель и сбросил пачку листовок. Стаей белых голубей они долго и весело кружились в небе, опустились за околицей, на заснеженном лугу. Юрий схватил одну, увидел русские буквы. Огляделся — нет ли поблизости оккупантов: за листовки они карали смертной казнью. Сунул листок за пазуху — и бегом в землянку. Хворая Зоя прочитала, ожила:

— Юрка, победа!

В листовке описывался разгром гитлеровцев на Волге. Радость охватила село. Во всех землянках только и говорили о сокрушении врагов.

Вскоре затряслась земля, и под Клушином советские войска начали наступление. В эти дни случилась большая беда — эсэсовцы забрали Валентина и Зою Гагариных и вместе с другими девушками и парнями, как стадо, пешком погнали на запад.

Но горе не бывает бесконечным. В полночь в крохотное оконце землянки постучали два человека в белых полушубках, в шапках-ушанках, с автоматами, покрытыми изморозью. Советские солдаты дали Алексею Ивановичу закурить и начали расспрашивать. Анна Тимофеевна наварила чугун картошки, покормила приморившихся разведчиков. Юрий проснулся, слушал, рассказывал. Русских солдат интересовали эмблемы на фашистских машинах, и он говорил о пантерах, носорогах, гиенах, запомнившихся ему.

Через день гитлеровцы торопливо сожгли несколько изб и навсегда покинули Клушино. Алексей

Иванович вышел навстречу своим и показал места, где фашисты заминировали дорогу,— ночью он тайком наблюдал за работой вражеских саперов. Полковник в высокой смушковой папахе при всем народе объявил Гагарину благодарность и расцеловал, как солдата. Было это в день, когда Юре исполнилось девять лет. День рождения оказался счастливым — начиналась жизнь на освобожденной от врага, хоть и испепеленной, но родной земле!

Алексей Иванович ушел в армию, и остались Гагарины втроем: Анна Тимофеевна, Юра и Боря. В колхозе заправляли женщины, наступило настоящее бабье царство. Юрий отправился в школу. Учились в одной комнате сразу два класса. Не было ни карандашей, ни тетрадей. Писать учились на старых газетах. На уроках арифметики складывали не палочки, а патронные гильзы. Карманы учеников были полны патронами да снарядными осколками.

Бежавшие из неволи и вернувшиеся в село соседи поведали: Валентин и Зоя Гагарины удрали от фашистов и остались служить в Советской Армии до окончательной победы. Почтальон принес треугольничек письма со штампом полевой почты, и Юрий по слогам прочел весточку от Зои. Она сообщала, что служит ветеринарным санитаром в кавалерийском эскадроне. Затем пришло письмо и от Валентина. Он воевал на Т-34 башенным стрелком и не раз сталкивался с фашистскими танками и самоходками.

Обо всем этом мы узнали от Гагарина, пока ехали от Гжатска до Клушина, по хорошо накатанной, ровной, как полотно, дороге, будто вышитой по краям цветами.

Милое, маленькое село возникло перед глазами, как акварельный рисунок. Живописные избы с рябиной и кустами сирени у окон, с резными налични-

ками. Кругом растут смородина, бересклет, крапива, чернобыльник, куриная слепота. Все близкое, родное, пахучее — то, чего всегда не хватало ему в городах. В этом небольшом селе 9 марта 1934 года и родился он — первый человек, побывавший в космосе. Отец тогда обрадовался — появился на свет еще один колхозник.

— Здесь красовался наш дом, а вон моя школа, а там, на лугу, мы, босые мальчишки, играли в лапту и горелки. Хотелось погонять футбол, но мяча не было.

На открытое лицо Юрия Алексеевича словно тень набежала от облачка. Длинными ресницами он закрыл синие глаза и, наверное, увидел, как прыщеватый фашист пытается повесить на яблоневой ветке его младшего братишку Бориса. Он рассказывал — эта тяжелая сцена была одним из самых сильных впечатлений детства.

— Кажется, всю бы жизнь оставался в Клушине,— полной грудью вдыхая воздух родных полей, проговорил Юрий.

— А почему же уехал? — вызывая на разговор, спросили мы.

— Уехал отец и, как водится, потащил за собой всю семью. Его пригласили в Гжатск отстраивать спаленный город. Он перевез туда из села свой старенький деревянный домишко, быстро и ловко собрал его. И я помогал ему.

Юрия приняли в третий класс гжатской школы при педагогическом училище. На всю жизнь запомнилась молоденькая учительница Нина Васильевна Лебедева. Внимательная, начитанная, она рассказывала ребятам о В. И. Ленине, показывала книжку, в которой был напечатан табель с отметками гимназиста Володи Ульянова — сплошные пятерки.

За школьной партой минуло еще два года, и Юрий, сдав первые в жизни экзамены по русскому языку и арифметике, перевелся в другую школу, в пятый класс. Там его приняли в пионерскую организацию. В доме пионеров он занимался в духовом оркестре и драмкружке, выступал в школьных спектаклях.

Юрий Алексеевич рассказывал с перерывами. Произнесет несколько фраз и замолкнет. Он все оглядывался вокруг, словно заново переживал детство. Все тут пахло теми годами жизни: земля, деревья, настоенный на цветущих травах воздух.

В школе организовали технический кружок. Руководил им преподаватель физики, бывший авиатор-фронтовик Лев Михайлович Беспалов. Под его наблюдением ребята смастерили летающую модель самолета, выписали из Москвы игрушечный бензиновый моторчик, установили на фюзеляж, сделанный из камыша, клеем прикрепили крылья. Модель, к великой радости всей школы, взмыла в воздух и, набирая высоту, полетела, проворная, как стрекоза! Довольный успехом, Лев Михайлович пообещал:

— Быть вам, хлопцы, летчиками...

Получив всемирное признание, никого так часто не вспоминал Гагарин, как своего первого учителя физики. А вспоминать было кого, всю жизнь его окружали цельные, интересные натуры.

Возвращаясь из Клушина, Гагарин остановил машину, вошел в ржаное, с детства знакомое поле, счастливо улыбаясь своим мыслям, произнес:

— Огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек сильнее всего!

— Откуда такая цветистость?

— Отгадайте,— он растирал в пальцах зеленые стебли ржи, нюхал.

Такие слова мог сказать какой-нибудь писатель. Мы стали перечислять известные имена.

— Нет, нет и нет...— Гагарин смеялся.— Это изрек мой мастер в литейном цехе Николай Петрович Кривов. Нравился мне наш завод и цех. Куда ни глянь — огонь, дым, струи расплавленного металла... Я все думаю, кто я такой? Крестьянин, рабочий, интеллигент? Наверное, и первое, и второе, и третье. Наверняка нет в стране такой семьи, где бы не было одновременно рабочих, колхозников, людей умственного труда. Все смешалось, и смешалось к счастью.— Гагарин находился в блаженном хмелю легкого опьянения, вызванного картинами детства, проплывающими перед ним.

Квартировали ремесленники в общежитии, где во всем царил порядок: вставали и ложились одновременно, вместе ходили в столовую, вместе бегали в кино и на стадион. Литейный цех полюбился Юрию — он перестал завидовать токарям. Работа спорилась и с каждым днем становилась интереснее. Подростку нравилось просыпаться с первым заводским гудком и, умывшись холодной водой, выходить на улицу, вливаться в поток рабочих, спешащих к проходной завода. В первую получку кассир выдал всего тридцать целковых. Но это были первые заработанные деньги. Половину из них Юрий послал матери в Гжатск. Ему хотелось помогать семье, чувствовать себя взрослым.

В ремесленном училище ребята одновременно проходили теоретическую подготовку и практику. Юрий вместе с друзьями поступил в седьмой класс люберецкой вечерней школы. Было тяжело работать и учиться. Мастер Кривов посоветовал поступить в Саратовский индустриальный техникум по литейной специальности.

В молодости так: сказано — сделано! Люберецкие ремесленники оказались в Саратове. Устроились в общежитии на Мичуринской улице, в доме № 21. Помчались на Волгу. Долго стояли на пристани, любуясь рекой, необозримыми синими далями.

Обстановка в техникуме была серьезнее, чем в школе и ремесленном училище, и требования жестче. В группе Гагарина — тридцать пять человек, приехавших из разных городов Советского Союза. Среди них — коммунисты, орденоносцы, участники Великой Отечественной войны. На первых порах новые знания давались с трудом. Однако в техникуме царил дух товарищеской взаимопомощи. Молодежь, присматриваясь, как ведут себя старшие, прислушивалась к их мнению, подражала им.

В свободное время студенты занимались спортом, организовали баскетбольную команду; она участвовала в городских соревнованиях и заняла первое место среди саратовских техникумов. Гагарин был капитаном этой команды.

В Саратове хороший оперный театр. Сильное впечатление произвела на Юрия опера Глинки «Иван Сусанин». После каждого спектакля или фильма студенты обменивались мнениями, спорили. Гагарину понравился фильм «Повесть о настоящем человеке», сделанный по книге Бориса Полевого. Он смотрел его дважды. Авиация входила в его жизнь, овладевала мыслями. Почти все студенты техникума были комсомольцами. Гагарина избрали членом бюро.

Неожиданно Гагарин прервал воспоминания, сказал:

— Хорошее было время! — с не присущей ему грустью добавил.— Прожитое что пролитое,— не воротишь.

Время летело быстро. Наступил последний год учения в техникуме. Юрия направили на практику в Москву на завод имени Войкова, а затем в Ленинград — на завод «Вулкан». Он ходил по Ленинграду, охваченный небывалым восторгом. Все в городе говорило о революционной борьбе. И каменные стены Петропавловской крепости, и чугунные мосты через Неву, и Зимний дворец, и корпуса бывшего Путиловского завода, на котором давным-давно работал Юрин дед — Тимофей Матвеев. История русского рабочего класса разворачивалась перед очарованными глазами юноши. Он побывал в Смольном, ездил к Финляндскому вокзалу, чтобы увидеть бронзового Ленина на броневике.

Дни Гагарин и его друзья проводили на заводе, а вечерами ходили в музеи, в театры.

Любимым предметом в техникуме, как и в школе, была физика. Ее преподавал Николай Иванович Москвин.

— Техник не может не знать физики,— сказал Николай Иванович студентам,— земной шар вращается по законам физики.

Преподаватель организовал физический кружок, участники его выступали с докладами. По совету Николая Ивановича Гагарин разработал тему «К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях». Пришлось прочесть и сборник научно-фантастических произведений Константина Эдуардовича, и книги, связанные с этим вопросом, имевшиеся в библиотеке. Доклад на кружке Гагарин закончил словами ученого: «Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Занятия в техникуме шли своим чередом. Но стоило Юрию услышать гул пролетающего самолета, встретить на улице летчика, и на душе становилось теплее. Он знал, в Саратове есть аэроклуб. Как бы поступить туда? Однажды группа четверокурсников вместе с Юрием отправилась в аэроклуб. Подали заявления, прошли все комиссии и начали заниматься. Сначала теория полета, знакомство с устройством самолета и авиационного двигателя. На первых порах студентов разочаровали скучные занятия. Ведь они рассчитывали сразу отправиться на аэродром, сразу летать! А тут те же классы, задачи у доски да учебники. Дорога к самолетам оказалась длиннее, чем предполагали молодые люди.

Напряженными для Юрия и его товарищей были первые месяцы 1955 года. Приходилось работать в две тяги: днем занимались в техникуме, а вечером — в аэроклубе. Пришла страдная пора защиты дипломных проектов. Юрию досталась тема «Литейный цех крупносерийного производства». Кроме того, он должен был разработать технологию изготовления деталей и методику производственного обучения в ремесленном училище по изготовлению этих деталей. Материалы, необходимые для диплома, он брал в библиотеке и в техническом отделе городского книгохранилища. Опыт, хотя и небольшой, приобретенный в ремесленном училище, на Люберецком заводе, и во время стажировок в Москве и Ленинграде, пришелся кстати.

Работая над дипломом, Юрий не пропускал занятий в аэроклубе. Там тоже сдавали экзамены. Но прежде чем начать учебные полеты, полагалось прыгнуть с парашютом.

Пришел долгожданный день, на который назначили прыжки. Небо было хмурым, облака громоз-

дились на горизонте, как снежные горы. Невыспавшиеся, переволновавшиеся, возвращались студенты в техникум и принимались за дипломные работы. Наконец погода установилась, и после первого «пристрелочного» прыжка летчик-инструктор Дмитрий Павлович Мартьянов, невысокого роста человек, прибывший в аэроклуб из истребительного полка, скомандовал:

— Гагарин! К самолету...

Юрий плохо помнит, как забрался в самолет, как взлетели, как ПО-2 очутился на заданной высоте. Выбрался из кабины, встал на плоскость, крепко уцепился обеими руками за бортик.

— Готов, Юрий! — крикнул инструктор.

— Готов!

— Ну, пошел!

Оттолкнулся Гагарин от шершавого борта самолета и ринулся вниз, словно в пропасть. Дернул за кольцо. А парашют не открывается. Хочется крикнуть, а воздух забивает дыхание. Рука невольно потянулась к кольцу запасного парашюта. И вдруг сильный рывок. И тишина. И только в небе плавно раскачивается белая хризантема парашюта...

На земле Дмитрий Павлович спросил Юрия:

— Хочешь полетать на ЯКе?

Как можно не согласиться! Мартьянов советует: гляди на землю, ориентируйся по ней, определяй высоту полета. Юрий быстро освоился с обстановкой. Деревья и кусты казались низкими, вровень с травой; ломтями ржаного хлеба чернели вспаханные поля; видны грейдерные дороги; отчетливо вырисовывалась каждая тропинка, стада коров и пастух, поднявший голову к небу. ЯК прошел по кругу, Мартьянов повел машину в зону и стал показывать фигуры высшего пилотажа.

Когда приземлились, инструктор пытливо поглядел на курсанта.

— Завтра опять слетаем?

— Я готов летать хоть круглые сутки,— вырвалось у Гагарина.

Через несколько дней в техникуме защищали дипломы. Государственная экзаменационная комиссия присвоила Юрию Гагарину квалификацию техника-литейщика. Трудный жизненный рубеж взят. Можно идти на производство, можно продолжать учение. Товарищи разъезжались: кто в Магнитогорск, кто в Донбасс, кто на Дальний Восток, и каждый звал с собой. Но Юрий не мог бросить полюбившееся дело. И когда в аэроклубе сказали, что на днях курсанты отправятся в лагерь, он поехал туда.

В лагерях рядом с аэродромом на выгоревшей траве были разбиты палатки, будто паруса, похлопывающие под ветром. Ежедневно полеты. Летали на ЯК-18 — маневренных, легких в управлении самолетах.

Наступил июль. Дни стояли знойные, вечера душные. Как-то Дмитрий Павлович не сел, как обычно, с Гагариным в машину, а стоя на земле, сказал:

— Пойдешь один. По кругу...

Юрий вырулил самолет на линию старта, дал газ, поднял хвост машины, и она плавно оторвалась от земли. Его охватило трудно передаваемое чувство небывалого восторга.

Молодой учлет провел машину по кругу над аэродромом, рассчитал посадку и приземлил самолет у посадочного знака. Сел точно, в ограничители. Настроение бодрое. Вся душа поет. Зарулил, вылез из кабины, доложил: задание выполнено.

— Молодец,— похвалил инструктор.

На следующий день товарищи принесли «Зарю молодежи» — газету саратовских комсомольцев. В номере несколько строк о полете Гагарина, названы его имя и фамилия, помещена фотография: он в кабине самолета, подняв руку, просит разрешения на взлет. Первая похвала в печати много значит для человека. Он послал газету домой. Анна Тимофеевна в ответном письме написала: «Мы гордимся, сынок. Но смотри не зазнавайся...»

Полеты становились все более интересными. Мартьянов посылал курсантов в пилотажные зоны и на маршруты. Незаметно подкралась тихая осень. Через аэродром потянулась серебристая паутина бабьего лета, в палатках по ночам замерзала вода. Подошла пора выпускных экзаменов. Юрий Гагарин получил оценки: самолет ЯК-18 — «отлично», мотор — «отлично», самолетовождение — «отлично», аэродинамика — «отлично»; общая оценка выпускной комиссии — также «отлично»!

Некоторые курсанты аэроклуба ушли в гражданскую авиацию. А Юрий мечтал стать летчиком-истребителем. Не давали покоя воспоминания о пилотах, виденных во время войны в Клушине. Хотелось быть защитником Родины.

Гагарину дали направление в Оренбургское авиационное училище. Его провожал Мартьянов. Ожидая, пока отправится поезд, юноша ходил с инструктором по перрону, шуршащему гравием, и говорил о будущем. Дмитрий Павлович предсказывал, что с каждым годом авиация будет совершенствоваться, самолеты станут летать дальше, быстрее, выше...

— Будущее принадлежит вашему поколению,— сказал он на прощание, крепко пожимая руку,— вы еще полетаете на таких машинах, которые нам и не снились... Крылья-то растут от летания...

Гагарин рассказывал складно. Он хорошо владел искусством словесной живописи. Стоя у края дороги на ржаном поле, мы видели люберецкий литейный цех, саратовский техникум, будто затканный ромашками, маленький клубный аэродром.

Дома его ждали гости, и надо было возвращаться, но Гагарин не торопился. Он знал, что не скоро вернется сюда, и все никак не мог оторвать глаз от тонкого очертания села с деревянными резными избами.

Обратный путь лежал вдоль глубокого глинистого оврага. Космонавт вел машину, не снижая скорости.

— Осторожней.

— От смерти не посторонишься,— улыбнулся Гагарин и через минуту добавил: — Умереть сегодня — страшно, а когда-нибудь — ничего.

Вернулись в праздничный Гжатск. Увидев сына, Анна Тимофеевна обрадовалась, сказала:

— День долог, а век короток.— Она смотрела на своего Юру любящим и грустным взглядом.

К вечеру наползли набухшие влагой тучи, небо прожгла ветвистая молния. Юрий выбрался из-за стола, скинул ботинки и к великой радости мальчишек, собравшихся на улице, босиком, в одной рубахе кинулся под налетевший душистый ливень.

Вернувшись на мокрое крыльцо, затараторил:

— Хорошо бы поиграть в горелки... Хорошо бы в ночное... Хорошо бы снова на речку Гжать, порыбалить в грозу...

В полночь удалось поговорить о деле. Разговор шел об издании записок «Дорога в космос» отдельной книгой.

К великому сожалению, записки делались скороговоркой, по-газетному быстро, в номер. И хотя

Гагарин ни разу не пожаловался, мы видели, как он сокрушался, ощущая наш ежедневный репортерский натиск и торопливость.

С той же неугомонной быстротой готовилась и книга. Мы утешали требовательного к себе автора — когда все то, что сейчас нельзя, станет можно писать, сядем вместе за стол, допишем упущенное, недосказанное, расшифруем условное, снимем сделанное наспех, хорошенько отредактируем каждую страницу и получим то, чего ждет взыскательный читатель.

Юрий Гагарин любил писать. За несколько дней до своей гибели он подписал в печать рукопись «Психология и космос», которую создал совместно с кандидатом медицинских наук Владимиром Ивановичем Лебедевым. В начале июня 1968 года книга вышла в издательстве «Молодая гвардия».

Журналисты, знавшие его, не раз говорили: не будь Юрий Алексеевич летчиком и космонавтом, он стал бы писателем.

— Откуда это у вас?

Он улыбался:

— Мама знает превеликое множество песен, сказок, поверий, примет, поговорок. Слова-то в них какие, хоть нанизывай на нитку и делай из них монисто.

В Гжатске мы убедились в правоте космонавта. Анна Тимофеевна Гагарина — одна из самых замечательных русских женщин, и найдется писатель, который изобразит ее во весь рост, нарисует ее обаятельный портрет.

Придерживаясь во всем точности и достоверности, Юрий Алексеевич, начитавшись очерков о себе, просил:

— Не спутывайте правду с вымыслом, избегайте беллетризировать биографию, не сочиняйте диалоги. Чем проще, тем лучше.

Спросили его о речи, произнесенной на космодроме перед стартом, опубликованной в апреле 1961 года во всех газетах.

— Все тогда было слишком торжественно и вызывало странное чувство, будто говорил не я, а кто-то другой, а я стоял и слушал и думал, что будь я на месте того человека, то сказал бы то же самое.

Завечерело. Но крестьянская горница, освещенная улыбкой Гагарина, сияла как чертог.

Мать зажгла электричество. Долгий, прекрасный день кончился безвозвратно.

Ночевали мы в старом бревенчатом доме Гагариных. Шорохи, звуки, запахи — все было таким, как в детстве космонавта. Мы не могли уснуть. Здесь мальчик Юра о многом мечтал, и думы его были необыкновенные и веселые, словно детские сны.

...Нередко Гагарин появлялся в «Правде» совсем неожиданно, не предупредив даже по телефону. Открывается дверь, и на пороге возникает со своей ослепительной белозубой улыбкой желанный гость.

— Космический привет труженикам пера!

Однажды он явился, когда у нас сидел молодой художник Илья Глазунов, принесший показать свою последнюю картину, изображавшую В. И. Ленина с «Правдой» в руках. Космонавт и художник познакомились.

Мы знали — Глазунов собирался написать портрет человека, проникнувшего в звездный океан.

— Юра, непоседа,— попросили мы Гагарина,— сможешь тихонечко посидеть у нас полчаса?

И пока Илья Сергеевич с присущей ему быстротой цветной пастелью писал портрет, мы, чтобы Гагарину не было скучно, дали ему прочесть шесть «Звездных сонетов», только что присланных из Киева поэтом Леонидом Вышеславским. Юрий Алексеевич, увлекшись, читал стихотворение за стихотворением. По его выразительному лицу было видно: сонеты нравятся. Наконец он не выдержал и, жестикулируя, с подъемом продекламировал:

В морях Луны мы якорь бросим скоро,
Каналы Марса не уйдут от взора,
К Венере путь проложим сквозь туман.
Мы со своей мечтою дерзновенной
Отныне — корабельщики Вселенной.
Вселенная — открытый океан!

С листа ватмана стали проглядывать мечтательные, небесной голубизны глаза космонавта. И нам показалось, что Глазунов в портрете Гагарина создает облик того самого корабельщика Вселенной, о котором так проникновенно сказал поэт.

Портрет космонавта, за полчаса написанный на наших глазах, демонстрировался на выставках в Италии и очень понравился известной киноактрисе Джине Лоллобриджиде, которая встречалась с Гагариным на Московском кинофестивале. Позируя Илье Глазунову в Риме, она попросила его написать ее портрет с такой же экспрессией и лиричностью, с какими он создал своего Гагарина.

Но вернемся к сонетам. Они понравились космонавту, и он просил главного редактора «Правды» опубликовать их вне очереди.

Сегодня — День Воздушного Флота

Лётать выше, дальше, бы

День на аэродроме

Фотокопия Саратовской комсомольской газеты, в которой была напечатана заметка о первом полете курсанта Ю. А. Гагарина.

На Люберецком заводе сельскохозяйственных машин.

В годы учебы в Саратовском аэроклубе.

Юрий Гагарин готовится к полету в космос.

Терновский район Саратовской области. Деревянная арка, небольшой обелиск. Так выглядит историческое место, где 12 апреля 1961 года приземлился после космического полета первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин.

Академик С. П. Королев поздравляет Ю. А. Гагарина с успешным завершением первого в мире полета в космос.

Ю. А. Гагарин со своими родителями Анной Тимофеевной и Алексеем Ивановичем.

Ленинград. Металлический завод. Ю. А. Гагарин выступает перед трудящимися.

1962 год. Гжатск. Встреча кандидата в депутаты Верховного Совета СССР первого космонавта Ю. А. Гагарина с избирателями. Справа от него — Герой Социалистического Труда льновод колхоза «Ленинский путь» К. П. Мухтарова.

Через какое-то время он прочел рукопись «Звездных сонетов», приготовленную для издательства «Советский писатель», и написал к ней предисловие, в котором были такие строки: «Мне очень понравились эти стихи. Это лучшее, что за последнее время я читал о космических полетах... Леонид Вышеславский малым количеством слов сказал многое. В его сонетах все на месте, надежно и прекрасно и нет ничего лишнего, все как на космическом корабле».

Гагарин многим помогал. Он был депутатом Верховного Совета СССР, получал сотни писем, десятки людей являлись к нему в Звездный городок за помощью, и никто не оставался в обиде. Когда он хлопотал за чужих людей, ему невозможно было отказать. Возможно, что без рекомендации Юрия Алексеевича великолепные «Звездные сонеты» не скоро бы увидели свет.

Первое издание «Дороги в космос» вышло в издательстве «Правда». По всему видно было, что автору полюбилась собственная книга. Он охотно дарил ее. Этот небольшой томик с его автографами есть в крупнейших библиотеках мира, у государственных деятелей многих стран, у московских рабочих, у школьников Гжатска, который недавно переименован в город Гагарин.

Юрий Алексеевич все время улучшал свою книгу. Для этого он, бывало, то позовет нас к себе в гости, то приедет в «Правду», то позвонит по телефону, то пришлет новую страничку.

Он хотел каждому космонавту посвятить отдельную главу, но не успел, хотя никого не оставил в тени, и, добавляя в свои Записки новые страницы, дал оценку каждому полету, одарил каждого космонавта своей меткой характеристикой.

Ему хотелось, объясняя историю космонавтики, связать ее с историей общества. Работая над книгой, он уделял внимание чисто творческим, профессиональным вопросам, спорил о композиции, сюжете, стиле.

Крупнейшие писатели мира называли его сыном планеты, сыном человечества. Он морщился и, краснея от непомерных похвал, говорил:

— Я русский человек,— и, улыбаясь, добавлял: — Я объездил полмира, но лучше советской земли нигде не видел.

Одной высокой целью жил весь отряд космонавтов от полета к полету. В становление каждого из них заложена огромная доля гагаринского труда.

Он был настоящим коммунистом. Достигнув вершины небывалой славы, Гагарин оставался предельно скромным. Все космонавты видели в нем вдумчивого учителя и бережного наставника.

Уместно вспомнить, как весной 1961 года академик Сергей Павлович Королев у себя дома с отеческой любовью говорил нам о Гагарине:

— Юра — олицетворение вечной молодости русского народа... В нем счастливо сочетаются природное мужество, аналитический ум, исключительное трудолюбие. Если он получит надежное образование, то мы услышим его имя среди самых громких имен советских ученых.

Следуя пожеланиям умудренного опытом советского ученого, Гагарин продолжал оставаться на высоте, был незримым участником каждого нового полета. Он был все время в движении, в росте, в центре космических событий. Он непрерывно учился и все крепче связывал себя с наукой. Он говорил, что дальнейшее освоение космоса потребует космонавтов-ученых, и ставил себе в пример Константина

Петровича Феоктистова. Будучи одним из руководителей космонавтов, Гагарин учился у каждого из них. Блестяще окончив Военно-Воздушную инженерную академию, он готовился к новым свершениям.

Став космонавтом, Гагарин продолжал оставаться летчиком-истребителем. И как моряк, погибающий в океане, погиб в небе. Тяжело писать эти горькие строки.

За несколько дней до своей гибели Юрий Алексеевич посетил редакцию «Правды». Как всегда, много шутил и смеялся, попросил в главу, где говорилось о его жене Валентине Ивановне, вставить фразу: «Моя любовь, как перстень, не имеет конца».

Он приехал по делу — принес новую главу о выходе Алексея Леонова в открытый космос. Улыбаясь доброй улыбкой, полушутя, полусерьезно сказал:

— Это о новом этапе освоения космоса — леоновском... Он как бы передал из рук в руки космическую эстафету тем, кто вне скорлупы корабля будет работать в открытом космосе.

Эту главу, его лебединую песню, «Правда» опубликовала на своих страницах в День космонавтики — уже после трагической гибели Гагарина.

ПРИЗНАНИЕ. По приглашению правительств и общественных организаций многих стран Гагарин побывал за границей. Его маршруты мира и дружбы во много раз превосходят длину космического пути «Востока».

Путешествия начались полетом в Чехословакию. Через две недели после всенародной встречи в Москве с Шереметьевского аэродрома Гагарин на рейсовом самолете вылетел в Прагу. Вел самолет Герой Советского Союза Павел Михайлович Михайлов. В небе он подарил Юрию Алексеевичу свою книгу «10 000 часов в воздухе», надписав на ней: «С самыми теплыми чувствами в память о первом заграничном рейсе от летчика-земляка. Сегодня Вы у меня пассажиром на ТУ-104, и, кто знает, может быть, скоро я у Вас буду пассажиром при полете на Луну».

Гостеприимно встретила Злата Прага гостя. На пути от аэропорта до города стояли тысячи горожан, забрасывая машину Гагарина букетами сирени.

Встречи Гагарина проходили под знаком дружбы чехословацкого народа к советскому народу. Космонавта потрясла демонстрация пражан во время его поездки на крупнейший машиностроительный завод столицы. Казалось, вся Прага вышла на улицу. Вдоль двенадцатикилометрового пути к заводу сплошной стеной по обе стороны шоссе стояли люди. У всех в руках цветы, чехословацкие и советские флаги, транспаранты с приветственными лозунгами.

Гагарин говорил с присущим ему легким юмором, и на заводском дворе, до предела заполненном народом, пробегал теплый смешок, раздавались аплодисменты. Многие в стране знают русский язык, и, когда Гагарин под занавес сказал: «В космосе было так же хорошо, как у вас в гостях», в толпе вспыхнула бурная овация. К Гагарину с трудом протолкались молодые рабочие в кожаных фартуках. Они несли что-то тяжелое. Когда они сняли красную материю, на солнце золотисто сверкнула большая статуя литейщика. Зная, что космонавт был литейщиком, чехословацкие металлурги отлили ему статую.

Утром на первой странице «Руде право» Гагарин прочел сообщение: в знак высшей оценки исторической победы советской науки и техники — осуществления первого в мире космического полета человеком — Юрию Алексеевичу Гагарину присвоено звание Героя Социалистического Труда Чехословакии. Нельзя было не залюбоваться открытым лицом Гагарина, выражавшим сложную гамму чувств. На нем была написана и радость за высокую награду, которой впервые в истории ЧССР удостаивался гражданин другой страны, и неловкость от такого большого почета, и врожденная скромность. Отвечая на поздравления, Гагарин улыбался:

— Это награда всему советскому народу...

Он припомнил подробности подвига командира роты 1-го Чехословацкого батальона Отакара Ярош, павшего в бою с фашистскими танками невдалеке от Харькова.

— Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Ярош — первый иностранный воин, удостоенный этой высокой награды.

Гагарину нравилась Чехословакия. Когда вышла книга Людвика Свободы «От Бузулука до Праги», он позвонил нам в «Правду» и попросил достать ему два экземпляра.

Церемония вручения Золотой Звезды происходила в Испанском зале Пражского Града. Гагарин сел рядом с чехословацкими товарищами, удостоенными такой же награды, как и он,— шахтером Яном Мусилом, техником-машиностроителем Иозефом Вогницким и членом сельскохозяйственного кооператива Иозефом Троусилом. Вместе с передовыми людьми своей индустрии и сельского хозяйства чехословацкий народ чествовал героя космоса!

Знакомя Гагарина с Прагой, чехословацкие друзья показали ему Пражский Град, Карлов мост, Мавзолей Клемента Готвальда, вздыбленный на постаменте советский танк, первым ворвавшийся в город в мае 1945 года.

— Советские войска избавили нашу родину от гитлеровского ига,— сказал мэр города,— и мы свято чтим все, что связано с их великой освободительной миссией...

Гагарин побывал в редакции журнала «Проблемы мира и социализма». Сотрудники преподнесли ему еще пахнущий типографской краской номер своего журнала с автографами представителей многих коммунистических и рабочих партий мира. В от-

вет Юрий написал: «Полет в космос — это не личный подвиг. Это — достижение коммунизма. Горжусь тем, что я — коммунист. Передаю через журнал «Проблемы мира и социализма» горячий привет единомышленникам — товарищам по партиям на всем земном шаре».

Вторая зарубежная поездка выпала в солнечную Болгарию, страну, похожую на цветущий сад, населенную народом, с которым русских связывает давняя дружба, скрепленная кровью, пролитой в совместной борьбе против иноземных захватчиков. Как любимого сына встречали космонавта жители Софии, Пловдива, Плевена, Варны... Они устилали перед ним дорогу лепестками роз, кропили гостя ароматной водой...

Еще до поездки Гагарин получил письма из Болгарии. По дороге в Софию он читал поздравления, приветствия, просьбы заехать в гости, написанные болгарскими рабочими, крестьянами, учителями, школьниками. На полированном столике в салоне ИЛ-14 вырастала горка конвертов и открыток. Выступая на митингах, Гагарин называл имена авторов писем, благодарил их за приветствия и приглашения.

В Болгарии сооружено великое множество памятников русским солдатам-освободителям. В Пловдиве — крупнейшем промышленном центре страны — на поросшем зелеными дубками Холме Освободителей возвышается огромная гранитная фигура советского воина. Скульпторы изобразили солдата в накинутой на плечи плащ-палатке, с автоматом в каменных руках. Вся Болгария ласково называет памятник «Алешкой». Возле него всегда многолюдно. Поднявшись на зеленый холм, Гагарин, получивший звание почетного гражданина Пловдива, поло-

жил к подножию монумента венок из красных роз, пожалел:

— Жаль, что мои цветы не из России.

Наблюдая эту картину, старый коммунист и партизан Димитр Грыбчев сказал:

— Теперь у пловдивчан два почетных сограждданина: «Алешка» и Юрий...

У подножия легендарной Шипки молодые парни и девушки передали Гагарину листок из школьной тетради, в котором было написано: «Мы смотрим на вас и радуемся, что по дороге, где много лет назад прошли русские богатыри и разгромили векового врага болгарского народа — турецких захватчиков, шагает простой советский человек, сокол коммунизма, совершивший самый большой подвиг нашего времени... Мы гордимся, что сын Советского Союза доказал людям — нет неведомых краев, и человек может сделать все, когда он не думает о войне, а желает мира всем людям на Земле...»

Отмечая героизм и общечеловеческое значение первого полета в космос, болгарское правительство наградило Гагарина орденом Димитрова и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда Народной Республики Болгарии.

Через день после торжественного вручения Гагарину высоких наград сотни тысяч жителей Софии вышли на демонстрацию, посвященную болгарскому традиционному празднику «Кириллица» — Дню просвещения, культуры и славянской письменности. Несколько часов лилась живая человеческая река мимо Мавзолея Георгия Димитрова. Над трибуной, где рядом с руководителями народной Болгарии стоял Гагарин, вились стаи белых как снег голубей.

Гагарин и голуби. Одному из журналистов эта картина подсказала мысль сделать снимок. После

демонстрации он подвел к космонавту пионеров, в руках у детей были голуби. Гагарин взял одну птицу в руки, и голубь, доверчиво прижавшись к его груди, широко раскрыл крылья. Снимок был опубликован в «Правде» и обошел все газеты мира.

— Люблю голубей,— признался Юрий Алексеевич.— В Клушине многие мальчишки держали голубей.

Летом 1961 года Гагарин отправился в Польшу. В день приезда в Варшаву в Бельведерском дворце космонавту вручили почетную награду — орден Грюнвальдского креста первой степени. Делясь впечатлениями о Варшаве с руководителями братской Польши, Гагарин рассказал, как на одной улице группа юношей, подбежав к машине, в которой он ехал, хотела поднять ее на руки и понести.

— Пришлось прыгать на мостовую.

Молодежь восторженно встречала космонавта. В Катовицах — центре крупнейшего индустриального района страны — молодые горняки и металлурги, одетые в национальные костюмы, заполнили привокзальную площадь. Как только Гагарин появился на ступеньках вагона, его окружили девушки в расшитых золотом и серебром национальных костюмах и под звуки медных труб и приветственные крики повели к деревянной трибуне.

Весь день на стокилометровой трассе, проходящей через Катовицы — Хожув — Свентохловице — Руда Шленска — Забже — Бытом, через весь Силезский промышленный район, гремели шахтерские оркестры. У шахт и заводов возникали летучие митинги. Много искусно сделанных моделей шахтерских лампочек, угольных комбайнов и старинных обушков вручили космонавту. Свыше миллиона

жителей Верхней Силезии приветствовало его, демонстрируя нерушимость польско-советской дружбы.

На другой день состоялся международный слет молодежных организаций более чем двадцати стран. Он происходил в утопающем в садах городе Зелена Гура. На праздник съехались десятки тысяч юношей и девушек. Все увиденное превзошло надежды космонавта. После физкультурного парада и выступления Гагарина, говорившего о мире и дружбе всех молодых людей Земли, в небо, словно жар-птицы, теряя розовое оперенье, взвились яркие ракеты фейерверка. Парни и девчата в национальных костюмах — от расшитых серебром и золотом сарафанов польских селянок до белоснежных одеяний скотоводов из Африки — распевали песни, танцевали, кружились, смеялись. Центром чудесного праздника был почетный гость слета — советский космонавт.

Отчитываясь перед товарищами в Звездном городке о своей поездке, Гагарин сказал, что влюблен в Польшу. Отвечая на вопросы, он сказал, что никогда не забудет польского гостеприимства.

В Венгерскую Народную Республику Гагарин наведался через полторы недели после космического полета Германа Титова. В Будапеште устроили митинг. На площади Героев над людским морем колыхались транспаранты со словами привета советской науке и советскому народу. На митинге Гагарин говорил о полете «Востока-2», о том, что рассказал Герман Титов, вернувшись из космоса.

Возле памятника Ленину в шахтерском городке Комло, отмечавшем свое десятилетие, собрались горняки и их семьи. Праздничность обстановки подчеркивали флаги стран социалистического лагеря, воздушные шары и букеты пахучих цветов, укра-

шавшие трибуну. Дождь розовых лепестков падал с неба на толпу. Над площадью пролетали спортивные самолеты местного аэроклуба, сбрасывали полевые цветы. Гагарин поздравил шахтеров и передал привет от советских людей.

Программа пребывания космонавта в Венгрии предусматривала экскурсию по Дунаю, на прогулочном пароходе «Сабадшаг». В незапамятные времена почти игрушечный кораблик принадлежал императору Францу Иосифу. Теперь он используется для экскурсионных поездок. На «Сабадшаге» собрались журналисты. В кают-компании возникла небольшая пресс-конференция. Были заданы вопросы Гагарину о работах, проводимых в области космонавтики. В конце беседы один товарищ сказал:

— В газетах публикуются очерки о современных героях. Вы и Титов — герои наших дней. Кого вы берете в пример себе?

Делясь впечатлениями об этой пресс-конференции, Гагарин рассказывал, что этот вопрос воскресил в его воображении людей, чья жизнь составляет славу и гордость нашего народа: он увидел Чапаева, ведущего в бой свою легендарную дивизию; Чкалова, летящего над Северным полюсом; Матросова, закрывшего телом амбразуру вражеского дзота; Гаганову у ткацкого станка; Мамая в шахтном забое; Турсункулова на хлопковом поле...

— Вспомнилось мне тогда,— говорил он,— и лицо Главного Конструктора, и лица других ученых, инженеров, рабочих, создавших «Восток»; вспомнился Титов и космонавты, еще не опробовавшие в космосе свои крылья.

Глубокий след в памяти Юрия Алексеевича оставил полет на героический остров Свободы в июле 1961 года, через несколько месяцев после разгрома

контрреволюционных банд в районе Плайя Хирон. Юрия торжественно встречала вся Гавана. Едва только ИЛ-18 замер у здания аэропорта имени Хосе Марти, грянули раскаты грома, засверкали молнии, хлынул тропический ливень. Собравшиеся на аэродроме — члены правительства республики, дипломатический корпус, солдаты почетного караула, многотысячная толпа — стояли под потоками дождя и ждали появления гостя. Громом грозы, феерическими вспышками молний, могучим кличем народа «Вива, Гагарин!» встретила Куба космонавта.

Дорога из аэропорта в столицу стала путем всенародного ликования. Молодые и старые, подростки и дети, крестьяне в широкополых сомбреро из пальмовых листьев, рабочие в спецовках, милисанос с винтовками, небрежно брошенными на плечи, юноши и девушки — каждый по-своему выражал чувства: взмахом руки, восклицанием, брошенным в руки Гагарину букетом цветов, белозубой улыбкой. Мальчишки выпускали голубей, и они стайками вились над кортежем машин. Из уличных репродукторов раздавались звуки певучего «Марша 26 июля» — марша кубинских революционеров. С вертолетов бросали охапки листовок, над поющим и приплясывающим людским морем возвышались макеты «Востока», алели полотнища со словами привета Коммунистической партии Советского Союза.

На следующий день площадь Революции вновь заклокотала. Но безбрежное людское море затопило не только площадь, но и все прилегающие улицы: в Гавану на встречу с космонавтом съехались крестьяне соседних провинций. На митинг собралось более миллиона человек.

Митинг открыли оглашением указа правительства о награждении Гагарина только что учрежден-

ным орденом «Плайя Хирон». Он стал первым кавалером ордена, которым на Кубе отмечаются выдающиеся заслуги в борьбе за свободу и независимость, за мир и прогресс человечества. Космонавт говорил негромко, но его мужественный голос слышался во всех концах обширной площади.

На Кубе Гагарин встречался с портовыми рабочими и строителями новых домов, с учителями и школьниками, с мачетеро — работниками плантаций сахарного тростника, солдатами революционной армии. В Гаванском университете Гагарин прочел лекцию о космонавтике.

Актовый зал университета заполнили ученые, инженеры, студенты, рабочие, крестьяне. Пришли члены правительства, министры, военные. Гагарин рассказал о подготовке к полету космического корабля, нашел меткие определения состоянию невесомости, поведал обо всем увиденном в космосе.

Наземная орбита Юрия Алексеевича пролегала не только через страны социалистического лагеря. Ему довелось посетить капиталистические государства Европы и Америки, побывать в странах Азии и Африки. Первой западноевропейской странои, пригласившей космонавта, была Финляндия — страна красивой, суровой природы, родина трудолюбивых, мужественных людей.

И на митингах в Хельсинки, и на традиционном празднике дружбы в международном молодежном лагере на берегу Ботнического залива, и на рабочем собрании в Турку Гагарин утверждал, что для мирного сотрудничества в космосе хватит места для всех народов. Слова эти пришлись по душе внимательным финнам.

Газеты поместили отчеты о беседе Гагарина с членами аэроклуба в городе Хяменлинне — родине

выдающегося государственного деятеля Финляндии Паасикиви и всемирно известного композитора Сибелиуса. Благодаря за памятный подарок — голубой вымпел с крылатой эмблемой, врученный ему рекордсменом страны по планеризму Юхани Хортом, Гагарин говорил:

— У летчиков большие дороги. Мы учимся летать выше, дальше, быстрее. Придет время, и, наверное, полеты в космос станут возможными даже для аэроклубов. Может быть, советским космонавтам доведется вместе летать с финскими исследователями космоса по межпланетным трассам...

За пять дней, проведенных в стране, Гагарин убедился, что финны проявляют к советскому народу огромный интерес. Выразительной демонстрацией симпатий к Советскому Союзу явился традиционный праздник дружбы, проведенный на севере страны — в Кеми. Туда собрались тысячи людей, прилетевших на самолетах и приехавших автобусами и по железной дороге. Из международного туристического лагеря пришла смешанная колонна финских, шведских, норвежских и советских студентов. Встретив Гагарина на вокзале, веселая молодежь подняла его на руки и «в золотом стуле» долго несла под песни девичьего хора.

Гагарин был полон впечатлений от Финляндии с ее хвойными лесами, прохладой бесчисленных озер и скалистой землей, возделанной трудолюбивыми руками. Через год ему вторично довелось побывать в Хельсинки — на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов.

Летом 1961 года Гагарина встречала туманная Англия. С первых часов пребывания на берегах Темзы представления о британцах, как о людях чопорных и неразговорчивых, решительно изменились.

Интерес к космонавту был настолько велик, что лондонцы всех возрастов и сословий, отбросив веками складывающиеся условности, все дни пребывания Гагарина на британской земле вели себя как темпераментные южане. Толпами теснились они на Пиккадилли, Бонд-стрит и Раджент-стрит — самых оживленных улицах столицы, по которым в сопровождении мотоциклистов проезжала его машина; энергично штурмовали здание «Эрлз Корт», где развернулась советская промышленная выставка.

Пять дней гостил Гагарин в Англии. За ним неотступно следовали десятки журналистов и кинорепортеров. Выпуски последних известий по радио и телевидению начались с сообщений о пребывании в Англии космонавта, а газеты открывали этими сообщениями первые полосы.

Сильное впечатление на Юрия Алексеевича произвела поездка в Манчестер — крупнейший индустриальный центр Англии. Первый визит Гагарин нанес руководству профсоюза литейщиков. Президент профсоюза шестидесятилетний Фред Холлингсуорт вручил космонавту золотую медаль. На ней были изображены крепко сплетенные руки, а по краю медали вычеканены слова: «Вместе мы отольем лучший мир». Через полчаса с этой медалью на груди Гагарин появился на митинге рабочих машиностроительного завода фирмы «Виккерс». Это вызвало бурную овацию многих тысяч рабочих, обступивших импровизированную трибуну — грузовик с опущенными бортами. Погода разгулялась. Люди пришли на митинг из цехов в короткие минуты обеденного перерыва.

Гагарин говорил просто, легко и свободно. Это было одно из самых ярких его выступлений. Люди

внимательно вслушивались в звонкий, певучий голос Юрия, стараясь без переводчика уловить смысл его речи.

— Я рад,— заканчивая выступление, сказал он,— пожать в Манчестере ваши мозолистые руки, которые, как и во всех странах, создают самое прекрасное, что существует на земле!

Когда эти слова перевели на английский, к Гагарину потянулись сотни рук. Трижды прогудел гудок, возвещающий, что обеденный перерыв закончился, но никто не уходил со двора, над которым накрапывал дождь.

После возвращения в Лондон Гагарина принял премьер-министр Англии Г. Макмиллан, а затем последовало приглашение в Букингэмский дворец на завтрак к королеве Елизавете II.

— Советский космонавт — человек разносторонних знаний...— так отозвался о Гагарине известный английский физик Вильям Ходж на встрече с учеными в Британской академии наук.

Ученые после доклада Гагарина о полете «Востока» подарили ему два тома писем Ньютона. В свою очередь космонавт, вручая президенту Академии наук Говарду Флори свою книгу «Дорога в космос», сказал:

— Мне дорог ваш подарок, потому что полет в космос совершался по законам земного тяготения, впервые открытым героем британской науки Исааком Ньютоном...

Все интересовало Юрия Алексеевича, и он использовал каждую минуту, чтобы увидеть и узнать как можно больше. Смотреть — значит изучать. В музее истории Лондона среди витрин со множеством коронационных одежд королей Великобритании он обратил внимание на скромную витрину, где за

стеклом лежали вещи русской балерины Анны Павловой. Павлова гастролировала почти во всех странах мира и всех покоряла своим талантом. Покорила она и англичан, выставивших в музее слепок ее ноги и белую балетную «пачку» с крупным драгоценным камнем.

Он посетил Гайд-парк, Кенсенгтонский сад. Вспомнив понравившийся ему фильм «Мост Ватерлоо», ездил на этот ветхий, ничем не примечательный мост. Он обратил внимание на грузное, придавившее своей тяжестью землю здание Английского банка и конторы банков «большой пятерки», контролирующих большую часть капиталов Британии.

Когда обширная программа встреч, бесед, пресс-конференций была исчерпана, Гагарин посвятил несколько часов поездке на Хайгетское кладбище, где покоится прах Карла Маркса. И хотя поездка не значилась в официальных планах, трудовой люд Лондона понимал, что советский космонавт не может улететь в Москву, не побывав у могилы великого основоположника научного коммунизма. Вот почему в этот вечер на улицах, ведущих к кладбищу, стояли одетые в спецовки строители, докеры, металлисты, электрики, железнодорожники...

Строгий памятник Карлу Марксу окружили тысячи людей. В глубоком молчании наблюдали они, как первый космонавт возлагал на могилу первого коммуниста венок из живых цветов и потом, поднеся руку к фуражке, в торжественной тишине долго стоял перед гранитным пьедесталом, на котором высечены бессмертные слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В столицу Греции — Афины Гагарина пригласило Греко-Советское общество дружбы, но, когда в феврале 1962 года он прилетел на древнюю землю

Эллады, его встречали все афиняне. Выйдя из самолета, Гагарин попал в море встречающих, бурлившее и на аэродроме и на улицах Афин. На перекрестках возникали заторы — толпа преграждала путь открытому автомобилю. Отовсюду неслись возгласы: «Филия!», «Ирини!», («Дружба!», «Мир!»).

В Афинах немало достопримечательных мест, с которыми полезно познакомиться, и первое из них Акрополь с его вечной колоннадой. При осмотре Акрополя археолог Георгиус Доидос подвел Гагарина к флагштоку, с которого двадцать с лишним лет назад Манолис Глезос сорвал фашистский флаг, призвав греческий народ к сопротивлению захватчикам, к борьбе за свободу и независимость родной страны. Гагарин стоял у флагштока и смотрел в расстилавшийся далеко внизу бесконечный простор лазурного моря. В сиреневой дымке виднелся остров Эгина, где в тюремном застенке томился Глезос. Герой находился за решеткой, но, узнав о приезде космонавта, дал о себе весточку. Его жена Тассия Глезос, придя в советское посольство, вручила Гагарину искусно сделанные мужем модели парусников и небольшую шкатулку из оливкового дерева.

Чудесным, полным образных сравнений было выступление на обеде, данном в честь Гагарина Греко-Советским обществом, поэта, лауреата Ленинской премии мира Костаса Варналеса. Человеку перевалило за семьдесят, но он говорил крепким голосом, огненно сверкая живыми глазами из-под седых бровей.

— В улыбке Гагарина,— сказал поэт,— греческий народ видит улыбку миллионов советских людей...

В день отлета Гагарина из Афин около двухсот журналистов собралось на пресс-конференцию в со-

ветском посольстве. Вопросы были разнообразные, и на каждый Гагарин ответил. Аплодисментами были встречены слова о том, что ему хотелось бы вновь очутиться в космосе и передать оттуда приглашение всем людям Земли подняться на орбиту и вместе полюбоваться красотой нашей планеты.

— Тогда, я думаю,— сказал Гагарин,— все люди взглянули бы друг другу в глаза, крепко обнялись и стали бы жить в вечном мире и дружбе...

На аэродроме за несколько минут до отлета, когда Гагарин уже поднимался по трапу, чья-то рука из толпы провожающих передала ему листок бумаги, испещренный буквами греческого алфавита. Когда самолет был высоко над землей, Гагарину перевели записку. «Дорогой Юрий Гагарин! — было написано в ней.— Я рад приветствовать тебя, покорителя космоса, на древней земле Эллады. Ты привез нам с собой послание мира и дружбы. Пусть советские люди взлетают еще выше к звездам, открывая человечеству новые светлые горизонты и прокладывая верный путь к всеобщему миру и лучшему будущему жителей нашей планеты! М. Глезос. Тюрьма на острове Эгина. 13 февраля 1962 года».

На пресс-конференции в Лондоне журналист из молодой Республики Кипр пригласил Гагарина посетить его скалистую, окантованную морем страну. Через несколько месяцев это пожелание осуществилось. Из Греции Гагарин отправился на Кипр.

ИЛ-18 приземлился на Кипре, когда стемнело. Киприоты напомнили Гагарину пламенных кубинцев — у них были такие же широкие, открытые улыбки и горячие сердца! Всю десятикилометровую дорогу от аэродрома до Никозии колонну машин эскортировали сотни парней на мотоциклах и мотороллерах. Так было и во время поездки

по Кипру — всюду километров за пятнадцать — двадцать до намеченного пункта навстречу Гагарину выезжали мотоциклисты и сопровождали его до места митинга.

На Кипре примерно полмиллиона жителей. Гагарин побывал в Никозии, в Фамагусте, Ларнаке, Лимассоле, и все эти города встречали его по-своему. В Фамагусте в парк эвкалиптовых деревьев, украшенный кипрскими и советскими флагами, явилось все население города. Между деревьями колыхались гирлянды портретов Гагарина — репродукции фотографии с голубем, снятой в Болгарии.

В портовом городке Ларнаке митинг происходил на берегу моря, при лунном свете. В Лимассоле девушки, одетые в нарядные платья, взбежали на балкон мэрии, у которой собралось все население города, и вручили Гагарину белого голубя. Гагарин прижал доверчивую птицу к груди, а затем с громким восклицанием «За мир!» выпустил на волю. Голубь, распластав крылья, полетел над толпой, а навстречу ему взвилась стая таких же белых птиц. Они долго порхали над площадью, символизируя единство мыслей киприотов и приехавшего к ним советского гостя о мире и дружбе между народами всех стран.

На Кипре, как и в Греции, Гагарина окрестили Икаром космоса. Так назвал его и мэр Лимассолы, вручивший космонавту ключи от городских ворот и диплом об избрании его почетным гражданином города. Гагарин поблагодарил за лестное сравнение с мифологическим героем, но сказал:

— У Икара были крылья, скрепленные воском, а советские космические корабли делаются из прочнейших современных металлов. Такой металл отливают наши рабочие.

Весной 1962 года Гагарина принимала Австрия. Первый день пребывания в Вене был посвящен официальным визитам. На следующий день Гагарин выехал в центр Верхней Австрии город Линц, осмотрел металлургический комбинат «Фест» — одно из самых мощных предприятий австрийской тяжелой промышленности, на котором работают двадцать пять тысяч рабочих. В заводоуправлении инженеры рассказали Гагарину, что часть продукции «Феста» идет в Советский Союз, а треть руды и угля, потребляемых заводом, они получают из СССР.

При выходе из сталеплавильного цеха Юрия окружили рабочие. Они были в спецовках и в круглых, похожих на каски, защитных головных уборах. Рабочие звали космонавта в гости, обещали прийти на его лекцию, объявленную по радио. Вечерняя лекция Гагарина в народной школе собрала несколько тысяч слушателей. Ее транслировали, и в городе можно было видеть группы людей, толпящихся возле похожих на цветы уличных репродукторов.

Из Линца Гагарин направился в городок Маутхаузен, поблизости от которого в мрачное время гитлеризма всеми своими трубами дымил фашистский лагерь смерти. Там погибли десятки тысяч советских людей и среди них Герой Советского Союза генерал Карбышев. На пригорке — памятники погибшим в лагере советским людям, полякам, чехословакам, венграм, испанцам, французам, югославам, итальянцам... У подножия памятников — венки из живых цветов и никогда не погасающие зажженные восковые свечи.

Надо иметь крепкие нервы, чтобы осматривать мрачные постройки, где день за днем разворачивалась трагедия заключенных. Молча, стиснув зубы, вместе с Гагариным мы обходили один цех убийства

за другим. Юрий Алексеевич потом рассказывал, что в эти минуты ему припомнились жуткие дни, когда он жил в Клушине, временно захваченном гитлеровцами.

— Какое счастье,— как всегда сдержанно и рассудительно говорил он на митинге в городе Санкт-Пельтене,— что советский народ, разгромив фашистов, дал возможность нам, молодому поколению, жить богатой, творческой жизнью.

Наступило второе воскресенье мая — традиционный в Австрии День матери, народный праздник, посвященный женщинам. На пути в Грац — столицу Штирии, выступая на митингах в Медлинге, Бадене, Винер-Нойштадте, Нойкирхене и Капфенберге,— небольших городках, где у здания ратуш собирались тысячи людей, Гагарин и его жена Валентина Ивановна поздравляли австрийских женщин и высказывали пожелание, чтобы их дети никогда не узнали, что такое война.

После митинга в Граце, проведенного при прожекторах, поздно ночью двинулись в обратный путь. На перевале Зиммеринг — границе между Штирией и Нижней Австрией — сделали короткую остановку, зашли в придорожную таверну. Там оказалось полно народа: лесорубы, шоферы грузовых автомашин, туристы. Пока подавали черный кофе, один из парней, подойдя к музыкальному автомату, опустил в него металлический шиллинг. Послышался счет:

— Фюнф, фир, дрей, цвей, ейн, зеро!

Затем раздался резкий, как при запуске ракеты, свист, грохот, чей-то голос, похожий на голос Гагарина, произнес по-русски «Поехали!», и низкое помещение таверны заполнили звуки веселой песенки. Все засмеялись и захлопали в ладоши. Оказывается,

парень, приветствуя Гагарина, выбрал популярную в Австрии песенку «Полет на Луну»...

Осенью 1962 года Ю. А. Гагарин провел несколько дней в Дании. В день его приезда копенгагенские газеты вышли со статьями, посвященными успехам советской космонавтики. «Добро пожаловать!» — так открывала свои страницы крупнейшая в стране газета, публикуя портрет Гагарина и дружеское обращение к нему на русском языке. «Мы надеемся,— писала газета,— что вы почувствуете сердечность, наше восхищение и приятно проведете время у нас».

Интерес к Гагарину был огромен. Много встреч состоялось в Копенгагене. Одни носили официальный характер, другие отличались теплотой и искренностью. Сердечный прием оказали Юрию Алексеевичу рабочие судостроительной верфи «Бурмайстер ог Вайн» и завода «Карлсберг».

Президент датской Ассоциации астронавтики Асберг Лундбак вручил Гагарину билет члена-корреспондента Ассоциации с надписью: «Действителен до 1999 года». Все пророчили ему долголетие.

На собрании членов Общества сотрудничества между Данией и СССР Гагарин сказал:

— Во многих странах я и мои товарищи встречали людей, знакомых с дореволюционной Россией, одетой в армяк и движущейся на скрипучей телеге. Теперь наши люди управляют не клячей, а двигателями мощностью в двадцать миллионов лошадиных сил. Ими оснащены ракеты, выводящие на орбиты космические корабли.

Позднее Гагарину вместе с Быковским, совершившим пятисуточный полет в космосе на корабле «Восток-5», довелось побывать и в других Скандинав-

ских странах — Норвегии и Швеции. Но до этого, летом 1961 года, он посетил Бразилию.

В Рио-де-Жанейро, несмотря на поздний час, на аэродроме Галеон советский самолет встречало превеликое множество горожан, запрудивших шумные улицы столицы. В ночное небо взлетали оглушительные петарды — так по традиции экспансивные бразильцы встречают дорогих гостей. Машина с Гагариным с трудом пробивалась через плотную толпу. На мосту полиция вынуждена была расчищать ей путь струями воды из пожарных брандспойтов.

Горячий прием Гагарину устроили бразильские студенты в своем клубе. Еще более сердечной была в Рио-де-Жанейро встреча с рабочими-станкостроителями, химиками и электриками. Зал клуба металлургов, переполненный празднично одетыми людьми, пришедшими целыми семьями, встретил космонавта музыкой гимна Советского Союза.

Из рабочего клуба, где в заключение встречи присутствующие спели «Интернационал», Гагарин помчался на пресс-конференцию в Ассоциацию бразильских издательств.

— Чем объяснить вашу жизнерадостность? — спросил журналист с довольно мрачной физиономией.

— Я люблю жизнь,— ответил Гагарин.— Я молод, мне двадцать семь лет. Жизнь в России хорошая. Почему бы мне не быть жизнерадостным?

Накануне отлета из Рио-де-Жанейро мы разговорились с общественным деятелем, лауреатом Ленинской премии «За укрепление мира между народами» писателем Жоржи Амаду.

— Наш народ,— сказал он,— в Гагарине видит человека будущего, вооруженного знаниями и культурой, человека завтрашнего дня. Миллионы бра-

зильцев любят Советский Союз. Это любовь к народу, который закалил Гагарина, создал могучую науку. Окружая Гагарина всеобщим восторгом, объявляя его героем нашего времени, мы, бразильцы, тем самым приветствуем весь советский народ!

Из Бразилии Гагарин улетел в Канаду, куда его пригласил известный промышленник и общественный деятель Сайрус Итон.

На аэродроме Галифакс Гагарина встретила вся семья Итона. После короткой пресс-конференции в здании аэропорта — поездка в местечко Пагуош, за двести километров от Галифакса. Просторный дом Сайруса Итона уже давно получил в Канаде название «Дома мыслителей»: в нем проходила первая Пагуошская конференция сторонников запрещения ядерного оружия и всеобщего разоружения, в нем Сайрусу Итону была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Через час на лужайке у «Дома мыслителей» начался митинг сторонников мира. Духовой оркестр, исполнив канадский гимн, заиграл «Интернационал». Все происходящее в Пагуоше транслировалось по радио — канадцы могли слышать гимн коммунистов, идущих в первых рядах борцов за мир. Митинг продолжался свыше двух часов. Выступило пятнадцать промышленников и общественных деятелей. Они говорили о достижениях советской науки и техники.

Поздним вечером, проехав еще двести километров, советский гость добрался до одной из ферм Итона. Но отдых оказался недолгим. Около четырех часов утра Итону позвонили — принято сенсационное сообщение: русские направили в космос корабль-спутник «Восток-2», на его борту космонавт Герман

Титов! Услышав, как в доме захлопали двери, быстро поднялся и Гагарин. Надо ли говорить, сколько было радости! И Итон, и его жена, и дочь захлопотали, стараясь создать как можно больше удобств для связи с Москвой и перевода на русский язык радиосообщений о полете «Востока-2», транслируемых канадскими и американскими радиостанциями.

Первой мыслью Гагарина было послать телеграмму в адрес Титова. «Дорогой Герман,— писал он,— всем сердцем с тобой. Обнимаю тебя, дружище. Крепко целую. Уверен в успешном завершении твоего полета, который еще раз прославит нашу Родину, наш советский народ. До скорого свидания». Как потом стало известно, эта радиограмма, облетев полсвета, пришла на борт «Востока-2», когда Титов, преодолев в космосе более двухсот тысяч километров, пошел на шестой виток вокруг Земли.

Пока составлялась депеша в космос, на ферме готовились к отъезду на аэродром. Программа пребывания Гагарина закончилась. Воскресенье отводилось для отдыха. Но Сайрус Итон понимал — ни о каком отдыхе для Гагарина не может быть и речи, душа его рвется на Родину.

Через несколько часов, летя над Атлантикой, Гагарин послал добавление к переданной перед отлетом из Канады статье в «Правду»: «По часам мы следим — близится время посадки «Востока-2». Для Германа Титова наступают самые ответственные минуты: приземление. Я уверен, что этот отличный парень с честью выполнит сложную программу нового полета человека в космос. Герман Титов — коммунист, он выдержит все, что выпадет на его долю».

Бортрадист передал радиограмму. Взошло солнце, и вскоре ИЛ-18 достиг Внуковского аэродрома. Через два часа Гагарин вылетел на Волгу, чтобы об-

нять товарища и поздравить его с новой замечательной победой. Титов находился в том же доме, в котором после своего полета отдыхал Гагарин. Вдвоем они ходили по берегу реки, обмениваясь впечатлениями о своих полетах. Титов делился планами будущей книги, которую хотел назвать «700 000 километров в космосе». Вечером они играли в бильярд. Космонавты любят этот вид спорта.

Как-то Гагарин высказал мысль, что бильярд должен быть во всех военно-учебных заведениях. Хорошо и точно он сказал и о теннисе: «Отличная игра, требующая физической выносливости, как в футболе, хорошего глазомера, сообразительности и ума, как в шахматах. Для военного летчика теннис очень полезен, а то, что хорошо для летчиков, хорошо и для всех. Это, пожалуй, единственная спортивная игра, которой можно заниматься с детства до преклонного возраста».

В конце 1961 года Гагарину пришлось побывать в трех государствах Азии: в Индии, на Цейлоне и в Афганистане.

Перевалив через заснеженные вершины Гималаев, ИЛ-18 приземлился вблизи Дели на аэродроме Палам. Гагарина ждали индийские журналисты. Около трехсот корреспондентов газет, радио и телевидения собрались на открытом воздухе, в саду, устланном коврами.

После визита к премьер-министру республики Джавахарлалу Неру и выступления по телевидению состоялся гражданский прием в честь космонавта на городском стадионе. Все прилегающие к нему улицы были забиты народом, украшены советскими и индийскими флагами. Пригласив Гагарина в открытый автомобиль, увитый гирляндами цветов, Неру вместе с ним совершил круг почета. Два часа, сменяя друг

друга, на зеленом поле соревновались физкультурные и танцевальные коллективы индийской молодежи...

Вместе с Гагариным мы побывали во многих районах Дели — у могилы борца за свободу и независимость Индии Махатмы Ганди, возле Красного форта, где еще сохранились пушки, из которых колонизаторы в прошлом веке расстреливали восставших делийцев, поднялись на семидесятиметровую башню Кутуб Минар, сооруженную более 750 лет назад. Интересной была поездка в Делийский университет, где Гагарина приветствовали тысячи студентов.

Под знаком дружбы прошел весь 5000-километровый маршрут космонавта по Индии. Первым городом после Дели был полуторамиллионный Лакнау, где расположен один из крупнейших университетов страны. Выступая перед студентами, до отказа заполнившими университетский двор, Гагарин напомнил, что истоки дружбы между народами Индии и России лежат в глубине веков, что русский землепроходец Афанасий Никитин приплыл с берегов Волги к берегам Ганга. Когда Гагарин упомянул о Бхилаи, где с помощью советских специалистов построен крупнейший в Индии металлургический завод, студенты устроили бурную овацию.

Из бомбейских встреч трудно выделить какую-либо одну. Все они были яркими, запоминающимися.

На гражданский прием по случаю приезда космонавта, устроенном в Шивази-парке, собралось около трехсот тысяч человек. В небе горели по-южному крупные звезды, а над трибуной, украшенной цветами, в свете прожекторов выделялись большие портреты В. И. Ленина и Махатмы Ганди. На плакате была красочно изображена схема полетов космических кораблей «Восток» и «Восток-2». Представи-

тели семидесяти общественных организаций вынесли на трибуну гирлянды цветов и вручили гостю кокосовые орехи — символ успеха. Выступавшие горячо призывали участников митинга к борьбе за мир и за всеобщее и полное разоружение.

В ответном слове Гагарин сказал:

— Как бы было хорошо, если бы все страны разоружились и стали соревноваться — кто сделает больше научных открытий!

Большинство встреч трудящихся Индии с космонавтом организовало Индо-Советское общество развития культурных связей, насчитывающее в стране около двухсот филиалов. Крупнейший филиал находится в семимиллионной Калькутте — родине Рабиндраната Тагора, городе революционной борьбы индийского народа за свободу и независимость.

Калькутта встретила Гагарина еще более восторженно и шумно, чем Бомбей. На улицах его приветствовало свыше двух миллионов человек. На стадионе пятьдесят тысяч школьников пели в честь советского народа. Мальчики и девочки провели выступления спортивных, песенных и танцевальных коллективов и состязания авиамоделистов.

Юрию Алексеевичу понравилась поездка в сокровищницу индийской флоры — Калькуттский ботанический сад. Путь туда лежал вдоль причалов порта, у которых стояли океанские корабли многих стран. При приближении парохода с Гагариным на борту моряки поднимали на мачтах пестрые флаги расцвечивания, с джутовой фабрики на берег вышла толпа рабочих с красными флагами, ярко алевшими на фоне закопченных фабричных труб.

Дни были заполнены до предела, каждая минута на счету. И покидая жаркую Калькутту, Юрий Алексеевич пожалел, что ему не пришлось побывать в

музее «Виктория-мемориал», где собрана коллекция картин русского художника Верещагина. Об этом музее говорил ему в Москве Алексей Леонов.

— Верещагин — певец русского оружия. Он был солдатом и как солдат погиб на поле боя — на палубе крейсера «Петропавловск»,— говорил Гагарин сопровождавшим его журналистам.— Если бы у меня была возможность, я бы иллюстрировал свои выступления, посвященные борьбе за мир, сатирическим полотном Верещагина «Апофеоз войны». Помните — пирамида желтых человеческих черепов, над которой хозяйничает прожорливое воронье.— Гагарин увлекся, напомнил: — Художник посвятил свое творение «всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим».

Маршрут Гагарина закончился в Хайдарабаде — главном городе крупнейшего штата страны. Декабрьским утром самолет поднялся с хайдарабадского аэродрома и взял курс на остров Цейлон.

В Коломбо — столице Республики Цейлон — Гагарина встретили ослепительное солнце, изумрудная зелень тропиков и еще более ослепительные улыбки сингалов и тамилов. «Красный ковер Гагарину» — под такими заголовками вышли газеты. Страна нарядилась в красные флаги и транспаранты, испещренные словами привета Советскому Союзу.

На Цейлоне все было удивительным — и смуглые люди с черными, как смоль, волосами, одетые в белые саронги и сари; и величественные пальмы, подступающие к береговой кромке; и покачивающиеся на океанских волнах рыбачьи лодки катамараны; и множество буддийских монахов, бритоголовых, в ярких желтых одеждах; и слоны, переносящие огромные бревна; и самое главное — по-детски застенчивое радушие, с которым Гагарина встречали всю-

ду — и на побережье, и в гористых глубинных районах, и на бологистом севере острова.

— В советских людях,— заметили в беседе с Гагариным руководители Компартии Цейлона,— наш народ видит свое завтра...

Как хороший сон, запомнилась поездка в город Анурадхапуру — древнюю столицу страны, основанную примерно две тысячи лет назад и славящуюся старинными буддийскими храмами. После осмотра храма и бережно сохраняемого монахами старого дерева, под которым, согласно преданию, Будда задумал свое учение, Гагарин направился на центральную площадь, где собралось все население города — от стариков до детей. Девушки в национальных костюмах, с цветками лотоса в черных, как смоль, волосах, приплясывая под барабаны, провели Гагарина на балкон муниципалитета.

Площадь была заполнена людьми, а над их головами возвышался большой макет космической ракеты с крупной надписью «„Восток-3", 1962 г.». Из сопла ракеты выбивалось «пламя», образованное букетами цветов. Гагарин улыбался. Никогда еще так причудливо не смешивалось прошлое, настоящее, будущее. В двух шагах от «священного» дерева Будды был сооружен макет космического корабля, который, по твердому убеждению цейлонцев, должен был подняться в космос в 1962 году! Однако, проча советской космонавтике новые успехи, цейлонцы ошиблись в прогнозах: через несколько месяцев, в августе 1962 года, в космосе оказался не один советский корабль, а сразу два — «Восток-3» и «Восток-4». Советская действительность опередила смелые предположения зарубежных друзей!

С Цейлона Гагарин направился к ледяным отрогам Гиндукуша, в Кабул — столицу Афганистана.

Встречал его почетный воинский караул. Молодежь на руках пронесла космонавта к открытой машине, увитой цветами. Начальник Генерального штаба афганской армии пригласил его посетить военную академию. В конференц-зале академии, расписанном причудливыми восточными орнаментами, Гагарин прочитал лекцию. Она была лишена профессорского академизма и скорее походила на беседу, а беседы Гагарина всегда доставляли огромное удовольствие.

Содержательной оказалась поездка с премьер-министром Мухаммедом Даудом в район Карги на огромное водохранилище, созданное с помощью советских специалистов. Мухаммед Дауд благодарил Советский Союз за бескорыстное участие в развитии производительных сил страны.

О глубоких дружеских чувствах, питаемых миллионами афганцев к советским людям, говорил Гагарину и король Афганистана Мухаммед Захир Шах. Беседуя с гостем, король сказал, что афганский народ никогда не забудет поддержку, которую оказал ему В. И. Ленин во время борьбы Афганистана за независимость. Мухаммед Захир Шах выразил сердечную признательность советским специалистам за помощь в строительстве дорог и промышленных предприятий, в геологических изысканиях, в развитии культуры в стране...

В мае 1962 года Гагарин по приглашению общества «Япония — СССР» отправился в Токио. Он был благодарен японцам. Они первые перевели на свой язык его биографическую повесть «Дорога в космос», выпустили отдельной книгой огромным тиражом. Книга в красивой синей суперобложке была великолепно издана на рисовой бумаге. В ней было ко-

роткое предисловие, написанное для японского издания. В нем Гагарин обещал приехать в страну цветущих вишен. И обещание свое сдержал.

На токийском аэродроме Ханеда царило необычайное оживление. На подступах к летному полю выстроились батареи телевизионных камер, в воздухе гудели вертолеты с корреспондентами на бортах. Токийская пресса использовала все средства современной техники для того, чтобы население страны как можно быстрее узнало о прибытии космонавта из соседней страны. Впервые прозвучала распеваемая японскими юношами и девушками песня «Хорошо, хорошо, Гагарин!» с припевом:

Пусть расцветают цветы мира
На зеленой щедрой земле!

Запомнилась беседа с японскими учеными.

— В нашем народе,— сказал один ученый,— отцы напутствуют своих детей. Какие заповеди вы, Гагарин сан, высказали бы своим дочерям, когда они подрастут?

Юрий Алексеевич на минуту задумался.

— Таких заповедей,— ответил он,— много. Но, пожалуй, три из них назову сразу. Во-первых, я бы хотел, чтобы дети мои были борцами за мир. Во-вторых, чтобы они выросли людьми честными, самоотверженными, горячо любящими Родину. И, в-третьих, пусть они будут хорошими коммунистами, ибо коммунизм самое прогрессивное учение на Земле...

На пути в пятимиллионный Осака самолет с Гагариным пролетал вблизи горы Фудзи, считавшейся священным местом Японии. Сверху на ее зеленых склонах были видны лагеря американских войск, стрельбища, полигоны.

— Фудзи славилась ста достопримечательностями,— горько улыбаясь, говорил Гагарину переводчик,— теперь у нее сто первая: американский военный флаг...

Митинг организовали на водном стадионе. На голубоватом зеркале воды и плавательных дорожках оформители установили пару плотиков с букетами цветов, советскими и японскими флагами. Над переполненными трибунами алели пятиконечные звезды, эмблемы серпа и молота, были развернуты огромные плакаты, на которых по-русски и по-японски написано: «Добро пожаловать, мирный посланец Гагарин!»

В конце митинга к столу президиума потянулись представители общественных организаций города. Низко кланяясь, они вручали Гагарину памятные подарки, в их числе гирлянду бумажных «журавликов мира», присланную детьми Хиросимы. Тысячи людей запели: «Хорошо, хорошо, Гагарин!»

Вслед за миллионами жителей Осака космонавта торжественно приняло население древней столицы страны — Киото. Выступая перед студентами университета, Гагарин рассказал о высшем образовании в СССР, о связи науки с производством, о том, как он учился в школе, ремесленном училище, техникуме...

И еще один митинг — вечером, в городе Нагое, также торжественно встретившем гостя. Спортивный зал, вмещающий более десяти тысяч человек, украшала «космическая» композиция: земной шар, опоясанный орбитами «Востока» и «Востока-2», устремленные к Луне и Солнцу ракеты с пятиконечными звездами и надписью «СССР» на бортах. Так японские художники изобразили не только историю советской космонавтики, но и ее ближайшее будущее.

Пролетарский дух промышленной Нагои сказался и утром следующего дня, когда Гагарин направлялся на аэродром. С детства он испытывал радость от обилия света, а здесь солнца было столько, хоть отбавляй. Десятки тысяч людей в этот час спешили на работу, но каждый останавливался, приветствуя знакомого человека, прибывшего из Москвы. У аэродрома молодежь Нагои соорудила макет ракеты, в кабине которой рядом с фигурой, изображавшей Гагарина, сидел японский юноша, облаченный в скафандр и гермошлем. В руках он держал большой плакат с крупно выведенной надписью: «Вместе в космос!».

Морозным январским утром 1962 года, вылетев из Москвы и пройдя над Черным и Средиземным морями, ИЛ-18 через несколько часов достиг Каира.

Гагарину показали утренние газеты с дружескими шаржами. На одном из них космонавт пожимал лапу ожившему сфинксу. На другом рисунке космонавт, забравшись на высокую каирскую башню, размахивал ветвью оливкового дерева. Художники верно отобразили настроение народа, который видел в Гагарине посланца дружбы и мира.

Гагарин прибыл в Каир как гость военно-воздушных сил ОАР, первый официальный прием устроили военные. На него пригласили военных атташе иностранных государств. Фотокорреспонденты защелкали аппаратами.

— Давайте,— обратившись к атташе, предложил Гагарин,— когда будет наконец подписано международное соглашение о всеобщем разоружении, соберемся в Москве, Вашингтоне или Париже и сфотографируемся еще раз. Но без погонов и эполет — как все мирные люди, в штатском...

Путешествие по стране началось с Бельбейса — небольшого городка, знаменитого колледжем, готовящим авиаторов. Приветствуя гостя, летчики организовали авиационный парад, показали свое мастерство в лазурном небе. Прощаясь, Гагарин сказал:

— Учиться надо талантливо.

А затем поездка в Порт-Саид, в свое время мужественно отразивший англо-франко-израильских агрессоров. Огромная толпа ожидала Гагарина на площади Жертв агрессии. Были здесь и инвалиды, искалеченные войной. Прилететь в Порт-Саид и не побывать на Суэцком канале было нельзя. После поездки на катере вдоль каравана судов, ожидавших очереди на проводку из Средиземного в Красное море, в управлении судоходства дали обед. На него пригласили группу арабских лоцманов.

— Давайте, друзья,— предложил Гагарин,— поднимем бокалы за лучшего лоцмана жизни — за народ!

Два следующих дня Гагарин провел в столице. Он поднялся на башню, которая на полсотни метров выше самой большой пирамиды. На смотровой площадке его атаковали представители радиокомпании, ведущей передачи на страны Арабского Востока. Вопросы корреспондентов и ответы Гагарина записывались на магнитофонную ленту и передавались в радиостудию. С высоты каирской башни космонавт как бы разговаривал с десятками миллионов жителей Арабского Востока.

— Какой талисман вы брали с собой в полет? — спросил радиокомментатор.

— Я — оптимист,— усмехнувшись, ответил Гагарин,— и в талисманы не верю. Но на борту «Востока» был самый лучший в мире талисман — удостове-

рение, подтверждающее, что я гражданин Советского Союза...

Полюбовавшись с каирской башни видом египетских пирамид, Гагарин поехал к ним и к легендарному сфинксу. Было что-то символичное в том, что возле сооружений, созданных руками рабов, стоял свободный человек, чей подвиг, как писали арабские газеты, будет жить так же вечно, как и памятники египетской культуры.

Гагарин был слишком перегружен, у него не хватало времени, но он все же отправился на Асуан — строительство величайшей в Африке высотной плотины. Несколько часов Гагарин объезжал территорию строительства. У экскаваторов, возле колонн мощных самосвалов, около бульдозеров завязывались беседы. Но кто бы ни беседовал с космонавтом — вчерашний феллах, а сегодня землекоп, шофер грузовой машины, бульдозерист или молодой экскаваторщик, с помощью советского специалиста освоивший новую профессию,— все они, охваченные чувством трудового энтузиазма, говорили не о том, что уже сделано, а о том, что будет достигнуто. Народ жил прекрасным будущим.

— Древний Египет знаменит пирамидами фараонов,— выступая перед студентами Александрийского университета, говорил Гагарин.— Арабская Объединенная Республика будет еще больше известна Асуанской плотиной, построенной для народа...

Накануне отъезда Гагарина состоялась встреча с каирской интеллигенцией. Ученые, учителя, инженеры, писатели говорили о дружбе с Советским Союзом, восхищались успехами советской науки. Слово взял арабский поэт Абдель Рахман эль Хамисси. Он принес с собой папирус с поэмой, написанной 12 апреля 1961 года, через несколько часов после того,

как в Египте узнали о полете «Востока». Строфы из поэмы арабские студенты, обучающиеся в Московском университете, декламировали на Красной площади в день, когда Гагарин из района приземления «Востока» прилетел в Москву. В Каире поэт прочитал новые стихи. В переводе на русский язык они звучали примерно так:

В деревне моей спросили:
Гагарин такой же, как мы все?
Да, он такой же, как все люди, —
с двумя руками, с двумя ногами
и хорошей улыбкой
на открытом русском лице.
Он такой же, как мы,
но только храбрости у него
хватит на два мира —
на нашу Землю
и на всю Вселенную...

Ранним утром на каирском аэродроме отзвучали гимны ОАР и СССР. Последние слова прощания, последние букеты цветов. И ИЛ-18, накрыв тенью крыла узкую, тянувшуюся вдоль Нила зеленую полоску посевов хлопка, взял курс на запад. Предстояло гигантским прыжком пересечь всю Африку, выйти к ее западному побережью и приземлиться в столице Республики Ганы — Аккре.

Встречные ветры знойной Сахары несколько нарушили график полета, и в Аккру воздушный лайнер прилетел затемно. В свете прожекторов радушно блестели белозубые улыбки темнокожих ганцев. У самолета замерли шеренги пионеров. Первым к Гагарину, сошедшему с трапа, приблизился их вожатый. Старательно выговаривая русские слова, он отрапортовал:

— Добро пожаловать в Гану, товарищ Юрий Гагарин!

Во влажном тропическом воздухе мерцали тысячи огоньков, все стоявшие вдоль пути с аэродрома в город держали в руках зажженные свечи — таков народный обычай: освещать гостям дорогу. На перекрестках улиц группы негритянских девушек и юношей исполняли порывистые национальные танцы. На главной площади города выделялся большой плакат, исписанный русскими буквами «Ура! Человек из космоса среди нас!»

Утром неутомимый ИЛ-18 вновь поднялся в воздух. Впереди Либерия — одна из старейших независимых африканских стран. Через несколько часов после прилета в столицу Либерии — город Монровию, Гагарину вручили орден «Африканская звезда» на голубой ленте.

Целый день Гагарин провел в районе Нимба на либерийско-американо-шведском заводе горнорудной промышленности. Во время беседы в дирекции разработок послышались звуки «Подмосковных вечеров». Пела группа негров-рудокопов. Трогательно и нежно звучала русская песня в Экваториальной Африке, пробуждала тоску по Родине.

Весь следующий день посвятили знакомству с каучуковыми плантациями — основным богатством Либерии. Изнуренные непосильным трудом, рабочие плантации, узнав в госте человека, побывавшего выше всех, устроили праздник. Зазвучали протяжные национальные песни, под удары в барабаны, обтянутые крокодиловой кожей, начались ритуальные пляски. Во время празднества были розданы сборщикам каучука несколько экземпляров иллюстрированного сборника «К звездам!» Внимание африканцев привлекла фотография Гагарина, на которой в бытность на Люберецком заводе его сняли с ломиком в руках и сдвинутых на лоб очках литейщика.

— О! — радостно восклицали они.— Русский космонавт — рабочий! Он такой же простой, как и мы.

Проехав десятки деревень, жители которых в честь космонавта украсили свои круглые хижины пальмовыми листьями и ветвями банановых деревьев, советский гость оказался в центральной провинции страны Гбарнгбе. Здесь под звуки барабанов Гагарина встретил совет вождей старинного племени кпелле, избравшего космонавта своим почетным вождем. Юрию Алексеевичу торжественно вручили гибкое копье и сшитую по росту мантию из легкой полосатой материи.

Когда празднество стало затухать, восьмидесятилетний Басси Памба, старейший вождь племени, потребовал от Гагарина обстоятельный рассказ о полете в космос. Беседа, в которой Гагарин старался как можно популярнее объяснить основные положения космонавтики, шла на трех языках: русском, английском и том из двадцати восьми существующих в Либерии негритянских наречий, на котором говорит племя. Когда Басси Памбе было что-либо непонятно, он перебивал переводчиков и задавал вопросы. Содержание их показывало, что древний старик проник в суть нового для него явления. Работники Монровийской радиостудии записали беседу на магнитофонную ленту, чтобы перевести еще на несколько наречий и организовать радиопередачи для других племен.

— Голос Гагарина,— говорили они,— будет еще долго звучать в Африке, которая успела полюбить его навеки.

Поездки утомляли. Гагарин с радостью возвращался домой и всякий раз, казалось, видел и жену и детей впервые. Он обладал редким даром все схватывать на лету и, рассказывая близким о заморских

странах, с легкой грустью признавался, что дни, проведенные в Клушине и Гжатске, были лучшими в его жизни.

Всемирное признание Гагарина сопровождало не только в странствиях по белу свету. После возвращения из космоса в Москву он встретил весеннюю столицу, подернутую белой метелью. Тысячи документов, телеграмм, писем со всех концов света летели в адрес ЦК партии, правительства, к нему на квартиру, в Гжатск к родителям. Деятели государств и партий, академики, писатели, коллективы рабочих, крестьян и студентов слали ему восторженные приветствия со всех материков. Мы видели послания президента США Джона Кеннеди, писателя Джеймса Олдриджа, кинорежиссера Джузеппе де Сантиса, бывшего президента Франции Венсана Ориоля, актера Чарли Чаплина, главы турецкого правительства генерала Гюрселя, художника Х. Бидструпа...

Три миллиарда человек живет на нашей планете. И каждый, кому дороги судьбы прогресса, как самоцветы, подбирал точные слова, по достоинству оценивающие могущество первой державы — покорительницы космоса, гений его ученых и инженеров, патриотизм и бесстрашие первого посланца в космос. Каждый делился мыслями и чувствами, рожденными победой, которая многим еще за день до того казалась невероятной. Гагарина по праву признали гордостью всего человечества.

БЕССМЕРТИЕ. Первая космическая тропа, проторенная Гагариным, становится все более широкой дорогой в просторы Вселенной. В звездном океане побывали новые космические корабли. И в каждом полете Гагарин принимал участие, помогал товарищам, с трудом и терпением учил их и своему ремеслу и своей железной выдержке. Мы помним, как в его присутствии один, пока еще не известный космонавт, сказал с легкой завистью:

— Важно взлететь. Остальное сделается само собой.

Гагарин резко оборвал его:

— Ничего не делается само собой. Не взяв в руки топора, избу не срубишь.

Едва только Герман Титов совершил суточный полет, как в группе космонавтов развернулась подготовка к длительному групповому полету сразу двух космических кораблей «Востока-3» и «Востока-4», командирами которых определили Андрияна Николаева и Павла Поповича. Друзья Гагарина, одновременно с ним вступившие на тернистую стезю исследователей космоса,

терпеливо изучали его опыт. И, хотя им предстояли иные задачи, все детали свершенного работали на них.

Все свободное от занятий время в авиационной академии Юрий Алексеевич проводил с товарищами космонавтами. Выступая в роли инструктора на занятиях и специальных тренировках, он готовил к полету Андрияна Николаева, Павла Поповича и их дублеров Валерия Быковского и Владимира Комарова. Помогал ему неутомимый Герман Титов.

Оба до мельчайших деталей знали задания, захватившие их своей смелостью. Новые космонавты должны были изучить влияние состояния невесомости на человеческий организм в длительном космическом полете; вывести два корабля на предельно близкие друг к другу орбиты; совершить трехсуточный групповой полет; поддерживать постоянную, двустороннюю радиосвязь кораблей друг с другом и с Землей. Им предстояла одновременная посадка в заданном районе и превеликое множество медико-биологических исследований. Андриян Николаев должен был провести в космосе четверо суток, Павел Попович, через двадцать четыре часа поднявшись на орбиту,— трое суток.

Николаев, убедившись, что следующим в космос пойдет он, по нескольку раз переспрашивал Гагарина и Титова обо всем, что они видели, чувствовали и переживали в полете. Человеку с аналитическим мышлением хотелось разобраться в особенностях первых космических рейсов.

Гагарин шутил:

— Андриян один задал мне вопросов больше, чем сто зарубежных корреспондентов на пресс-конференциях.

Живя по одному расписанию с командиром «Во-

стока-3», проходил предполетную тренировку и Павел Попович. Все у них было внутренне согласовано — желания, чувства, мысли, даже вкусы. По мнению Гагарина, украинец Попович являлся полной противоположностью чувашу Николаеву. Потомок запорожских казаков, детство и юность проживший в украинском районном городке Узине, он слыл среди космонавтов весельчаком, знал великое множество пословиц и песен и вместе со своей женой Мариной, тоже летчицей, были душой всех вечеров самодеятельности. Гагарин знал Поповича как человека большой честности и принципиальности. Коммунисты отряда космонавтов избрали его секретарем партийной организации.

— Наш запевала,— говорил Гагарин,— а без запевалы и песня не поется.

Наступило 11 августа 1962 года. В 11 часов 30 минут по московскому времени стартовал «Восток-3» с Андрияном Николаевым. Через сутки, в 11 часов 02 минуты на орбиту вышел и «Восток-4» с Павлом Поповичем. С обоими космонавтами Гагарин вел предстартовую связь с командного пункта космодрома, провожал в полет, зорко подмечая характерные особенности каждого старта, поведения и настроения друзей. Николаев был спокоен, деловит и замкнут. Он поднялся в корабль с тем же спокойствием, с каким занимал пилотское кресло в самолете. Встретившись взглядом в группе провожающих с глазами Гагарина, улыбнулся ему и приветственно поднял руку, подтверждая, что все, мол, Юра, будет в порядке. Все его доклады и на земле, и в первые минуты полета были лаконичны и точны.

Старт «Востока-4» выглядел несколько иначе. Сказался искрометный темперамент Поповича. Гагарин подметил, что в дверцах лифта, на котором

космонавт поднимается к вершине ракеты, Павел задержался. Накануне, во время встречи с создателями корабля и со стартовой командой, Павел назвал ракету «ласточкой». Перед тем как войти в лифт, он сказал:

— По народному обычаю земной поклон вам, друзья, и сердечное спасибо. «Ласточка» понесет меня в космос. Я верю и знаю — все будет хорошо. До скорой встречи, друзья!

Пока ракета и корабль были на земле, связь с Поповичем вел Гагарин. Всех, кто был с ним, Юрий Алексеевич заражал своим активным жизнелюбием, целеустремленностью, творчеством. Он давал советы другу, справлялся о самочувствии, интересовался показаниями приборов.

— В кабине все нормально. Чувствую себя отлично. К старту готов,— бодро отвечал Попович.

— Подъем! — раздалась команда.

И Гагарин услышал ликующий голос Павла:

— Полетели, «ласточка»!..

«Восток-4» вышел на орбиту, близкую к орбите подоспевшего сюда, как и было задумано, «Востока-3». Космонавты установили устойчивую, двустороннюю связь, как бы обнялись по-братски в космосе и поздравили друг друга с новым достижением Родины.

— Они так крепко «обнялись» по радио,— сказал Гагарину председатель Государственной комиссии,— что их теперь трудно разъединить...

В материалы «Правды», посвященные групповому полету, Гагарин — командир отряда космонавтов — внес свой вклад. На первой полосе газеты была опубликована его статья с точной характеристикой своих товарищей.

Неся дежурство на пункте управления, Гагарин

слышал многие радиопереговоры «Сокола» и «Беркута» — таковы были позывные Николаева и Поповича, разговаривал с ними. Бодрое состояние Юрия Алексеевича передавалось товарищам. Трое суток на космических кораблях шла напряженная работа, и все это время Гагарин спал два-три часа в сутки. Он чувствовал ответственность за полет.

Среди деловых радиопереговоров между кораблями и, словно веселая искорка, в эфире порою проносилась остроумная шутка. Насмешил Гагарина разговор, услышанный на исходе второго дня группового полета.

— Ты уже поужинал? — поинтересовался «Сокол».

— Да,— ответил «Беркут»,— а на десерт пожевал ломтик воблы.

— Воблы? — удивился «Сокол».— Дай и мне пожевать...

— Подлетай поближе, так и быть поделюсь...— ответил «Беркут».

Утром 15 августа «Восток-3» и «Восток-4» приземлились там, где их ждали. Андриян Николаев пробыл в космосе 94 часа 22 минуты, за шестьдесят четыре витка вокруг Земли преодолел расстояние в 2 640 000 километров. Павел Попович за 70 часов 57 минут космического рейса покрыл расстояние около 2 000 000 километров, сделав сорок восемь витков вокруг земного шара. Оба они стали первыми в мире «космическими миллионерами»!

С каким нетерпением ожидал Гагарин встречи с друзьями. В их первом беглом рассказе его поразили впечатления о звездном небе. Они видели в космосе значительно больше, чем видели он и Титов, на огромной высоте чувствовали бесконечные глубины мироздания.

— Что вы скажете о полете? — спросили Гагарина корреспонденты.

— Это новый, еще более дерзкий вызов быстротекущему бегу времени,— ответил он.

Гагарин считал — Андрияну и Павлу повезло: они много раз наблюдали красавицу Луну во всем ее блеске. Она казалась им значительно ближе, чем звезды, и была больше похожа на шар, чем на диск. Космонавты рассказывали, что на ее сверкающей, выпуклой поверхности отчетливее, чем с Земли, виднелся рисунок лунного рельефа, напоминавший морозный узор.

Гагарина интересовало, как чувствовали себя Андриян и Павел, когда, отстегнув ремни, покидали пилотские кресла. Первое такое «свободное плавание» продолжалось около часа. По рассказу Николаева это было удивительно приятное, ни с чем не сравнимое состояние и тела, и души. Человек ничего не весил, ни на что не опирался и вместе с тем мог все делать. И мозг работал ясно, четко. И зрение, и слух — безукоризненны. Все видишь, слышишь, что передает Земля. Никаких расстройств вестибулярного аппарата не наблюдалось, и вегетативных отклонений тоже не было.

Юрий Алексеевич радовался. Его открытое лицо всегда отражало движения души.

Среди многих профессиональных замечаний, высказанных космонавтами, Гагарину запомнилась нарисованная ими красочная картина, которую они видели ночью. После того как была выполнена дневная программа наблюдений и исследований, перед тем как улечься спать, каждый поглядел во «взор» на черную бездну и увидел вспышки огня, бушевавшего далеко-далеко на Земле.

— Ты видишь? — спросил Андриян.

— Вижу,— ответил сосед,— как ты думаешь, что это?

По массивным наковальням сгустившихся туч, высекая длинные искры, ожесточенно били молоты грозы. Зигзаги ослепительных молний то вспыхивали, то погасали. Что неистовствовало над океаном? Мощный тайфун, ураган, шторм или бешеные тропические ливни? Наверное, там сейчас все клокотало. свирепствовали ветры, и моряки, застигнутые непогодой, самоотверженно боролись с разбушевавшейся стихией. А на высоте более двухсот километров было спокойно и тихо, никакие силы не препятствовали плавному и в то же время стремительному движению двух, идущих близко друг от друга космических кораблей.

Полет Николаева и Поповича дал огромный материал для изучения многим специалистам. Нужно было продолжительное время для того, чтобы расшифровать показатели датчиков физиологических функций человеческого организма и сложной аппаратуры кораблей. И пока над итогами группового многосуточного рейса велась кропотливая, ювелирно-точная работа, началась подготовка к следующему полету. Планировался длительный совместный полет двух кораблей. На одном из них впервые должна была подняться в космос женщина. Юрий Алексеевич никогда не переоценивал силы и представлял все трудности задуманного.

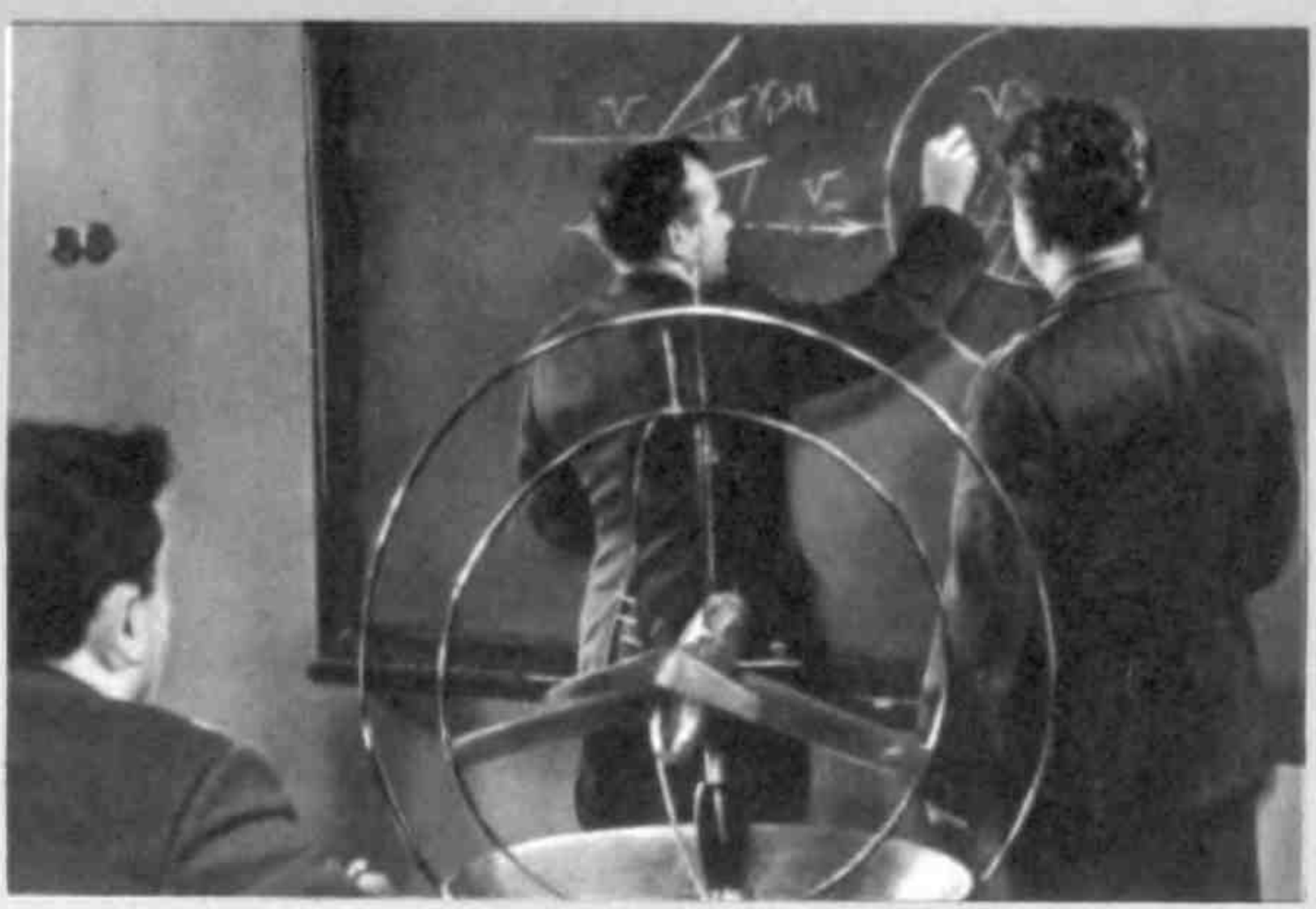
Весной 1962 года Гагарин с товарищами встречал девушек, приехавших в Звездный городок. Это были спортсменки-парашютистки. Их познакомили с программой занятий, рассказали о задачах теоретической подготовки и практических тренировок, показали просторные светлые классы и лаборатории, оснащенные аппаратурой. На другой день в девичьей

Крым. Ю. А. Гагарин — почетный пионер «Артека».

Юрий и Валентина Гагарины с дочкой Галочкой на отдыхе.

Ю. А. Гагарин и его дочери Лена и Галя.

Ленинград. 25 августа 1962 года. Ю. А. Гагарин выступает на VII Всемирном конгрессе Международного союза студентов.



Военно-Воздушная инженерная академия имени Н. В. Жуковского. Ю. А. Гагарин на занятиях по аэродинамике.

Ю. А. Гагарин, В. М. Комаров и А. Г. Николаев на охоте.

Советские космонавты.

группе начались занятия. Расписание было жестким. Девушки усиленно постигали новые для них дисциплины: астрономию, геофизику, ракетную технику... Программа их подготовки так же, как и в мужской группе, много времени уделяла спорту. Дело пошло. Все они занимались спортом и сравнительно быстро начали выполнять гимнастические упражнения не хуже мужчин.

Девичья группа в отряде космонавтов являлась своего рода экспериментальной. Никто не знал, как поведет себя женский организм в космосе?

Наблюдая за космической подготовкой девушек, помогая им, космонавты гадали, кто же пойдет в космос первой? По всем показателям учебы и натренированности впереди шла худенькая девушка — текстильщица из Ярославля Валя Терешкова.

Как при полете Андрияна Николаева и Павла Поповича, так и в подготовке к решению новой космической задачи Гагарин принимал активное участие. Командир «Востока-5» Быковский и командир «Востока-6» Терешкова любили Гагарина и многому научились у него.

После первомайских праздников 1963 года подоспела пора отъезда на космодром. Гагарину запомнился торжественный момент заседания Государственной комиссии, на котором присутствовал цвет советской научной мысли. Огромная комната. Яркий солнечный свет освещает большой портрет В. И. Ленина. Кажется, Ильич тоже принимает участие в совещании, отеческим взором оглядывает тех, кому выпало на долю вновь возвеличить славу Отчизны. И слова произносятся необыкновенные. Председатель Государственной комиссии тепло говорит о Валерии Быковском и с еще большей сердечностью о

Валентине Терешковой. Вместе с ее именем он называет имена первого президента российской Академии наук Екатерины Дашковой, великого математика Софьи Ковалевской, известных советских летчиц Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко, Марины Расковой...

— В том, что командиром корабля пойдет советская девушка,— сказал он,— весь мир еще раз убедится, что в нашей стране Коммунистической партией созданы все условия для совершенствования талантов и способностей женщин.

14 июня 1963 года товарищи надели на Быковского поверх теплозащитного костюма скафандр, а затем ярко-оранжевый комбинезон с множеством карманчиков для необходимых космонавту вещей. И вот венчающая все дело команда:

— Подъем!..

Счет времени на космодроме пошел по другим часам. Гагарин начал измерять его числом витков, проделанных «Востоком-5» вокруг Земли. Почти весь первый вечер после старта и ночь, и весь следующий день он провел на командном пункте космодрома. Там в нескольких залах шла круглосуточная напряженная работа. Гагарину нравилась деловая обстановка. Стены были увешаны множеством схем, таблиц и карт, испещренных условными знаками, цифрами, расчерченных синусоидами проекции орбит. Всюду телефоны прямой связи, выносные радиоустройства, телевизионный экран, магнитофоны для записи переговоров по каналам «Земля — Космос» и «Космос — Земля». Многочисленная техника с марками отечественных заводов надежно обеспечивала непрерывную связь с «Ястребом» — таков был позывной Валерия Быковского — с Москвой, с многочисленными пунктами, расположенными на террито-

рии нашей страны и наблюдающими за полетом «Востока-5».

По «глобусу» — сложному электронно-вычислительному устройству, точной копии прибора, установленного в кабине «Востока-5», Гагарин следил за полетом товарища. Этот тончайший прибор основан на суммировании данных орбитального движения космического корабля и суточного движения Земли. «Глобус» — это своего рода космический компас, с помощью которого космонавт в полете, а наблюдающие за ним на Земле в любой момент могли точно определить долготу и широту местонахождения корабля, число проделанных им витков, зрительно представить себе, над какой точкой земного шара он находится и где приземлится, если в это время включить тормозную двигательную установку.

А тем временем на стартовой площадке полным ходом развернулись работы возле новой ракеты. Сюда, следуя установившейся традиции, на встречу со стартовой командой отправилась Валя Терешкова со своей подругой-дублером. Девушек сопровождал Гагарин. Загорелые до черноты, суровые, мужественные стартовики собрались возле ракеты, чтобы увидеть хрупкую, изящную девушку, которой предстояли трудные испытания. Звонко простучали по бетонным плитам тонкие, высокие каблучки белых Валиных туфелек. На ней нарядный костюм из легкой голубой ткани. Подруга надела платье кораллового цвета, гармонирующее с ее черными, почти цыганскими волосами.

Все смотрели на Валю влюбленными глазами. Гагарину показалось, что она необыкновенная, не такая, как всегда. Было в ней что-то возвышенное, мягкое, ласковое. И в то же время в глазах, в движе-

ниях, в голосе чувствовалась непреодолимая сила, решимость.

В конце митинга все цветы, оказавшиеся у нее в руках, Валя отдала Главному Конструктору. То ли порыв ветерка занес песчинку ему в ресницы, то ли еще что другое заставило сурового на вид человека украдкой протереть затуманившиеся, всегда добрые, но требовательные глаза.

Вечером Гагарин проводил Валю и ее дублера в «Домик космонавтов». Там уже все было готово. «Хозяйка» домика, пожилая, убеленная сединами Клавдия Акимовна, в прошлом учительница начальной школы, позаботилась, чтобы в нем было уютно и тихо. На круглый стол, застланный камчатной скатертью, она поставила хрустальную вазу с белыми гладиолусами, привезенными Николаевым, красными маками и скромными ромашками — любимыми цветами Вали. Приготовила для нее кровать: ту самую, на которой перед полетом в космос спал Гагарин.

В воскресенье 16 июня 1963 года в 12 часов 30 минут по московскому времени «Восток-6» стартовал. Полет Валентины Терешковой планировался на сутки. Но еще на Земле она договорилась с председателем Государственной комиссии в присутствии Главного Конструктора и Юрия Гагарина, что, если ее физическое и моральное состояние будет хорошим, продолжительность полета можно увеличить в три раза и приземлить корабль одновременно с кораблем Валерия Быковского.

Находясь на пункте управления, Гагарин чувствовал, что полет проходит успешно. Записи телеметрических измерений физиологического состояния космонавтки показывали, что она может еще продолжительное время работать на орбите. Гагарин

присутствовал при радиоразговоре Главного Конструктора с Терешковой на исходе первых суток ее полета.

— «Чайка»! «Чайка»! Как чувствуешь себя? — спросил ученый.

— Будем летать, как договорились? — вопросом на вопрос ответила Валя.

— Вот и хорошо, «Чаечка»,— ласково сказал ученый.

Гагарин понял смысл этого, казалось бы ничего не говорящего, диалога. Валя просила продлить ее пребывание в космосе еще на двое суток, и ученый соглашался с нею. Государственная комиссия подтвердила:

— Согласны на продолжение полета.

Гагарин находился на командном пункте. Он сидел с закрытыми глазами, слишком утомленный, чтобы бодрствовать, слишком возбужденный, чтобы уснуть.

18 июня в Большом Кремлевском дворце открылся Пленум Центрального Комитета КПСС. В адрес Пленума космонавты послали приветствие, а участники Пленума направили им пожелание успешного завершения полета. Председательствующий Л. И. Брежнев сообщил, что с борта «Востока-5» получена радиограмма Валерия Быковского. Комсомолец просит принять его в ряды партии Ленина. Вскоре в космос пришел ответ. В нем было сказано, что ЦК КПСС принял Валерия Быковского в члены партии.

Оба космонавта по нескольку раз брались за ручное управление кораблями, производили киносъемку Земли и неба, вели научные исследования. Обо всем проделанном на орбитах они записывали в бортжурналы кораблей. После возвращения космонавтов

на Землю Гагарин внимательно прочитал эти записки.

Валерий Быковский восемьдесят один раз облетел вокруг планеты, пробыл в космосе сто девятнадцать часов и преодолел путь более 3 300 000 километров. На другой день после приземления «Востока-5» и «Востока-6» Юрий Гагарин встречал Валентину Терешкову и Валерия Быковского на берегах Волги.

...Прошли октябрьские праздники, и всю энергию космонавты переключили на учебу. Все они являлись слушателями Военно-Воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского. Учеба накладывала свой отпечаток на распорядок дня. Гагарин и его товарищи поднимались в семь утра. Неделя делилась на дни, целиком проводимые в учебном центре Звездного городка, и дни, проходившие в аудиториях и лабораториях академии. В числе преподавателей были крупнейшие ученые, авторы учебников, лауреаты Государственной премии. Никакой скидки в оценках космонавтам не было. Наоборот, иной раз профессора требовали от них больше, чем от других слушателей.

Заниматься было трудно. Кроме учебной программы, которую следовало выполнять в жесткие сроки, приходилось продолжать космические тренировки, принимать участие в подготовке новых полетов, время от времени отправляться за границу, выступать на заводах, в воинских частях, в институтах. Но несмотря на недостаток времени, в классном журнале против фамилии Гагарина стояли пятерки, редко, очень редко попадалась четверка. Начиная с первого курса Юрий Алексеевич сохранил свои учебные тетради. В них настолько подробно законспектированы лекции, так много чертежей, схем и расчетов,

поясняющих материал, что, наверное, понадобилось бы совсем мало усилий для превращения рукописей в учебники. Так же хорошо обстояло дело и у других товарищей Юрия Гагарина.

По вечерам в квартирах Звездного городка до поздней ночи горели огни зеленых настольных ламп: учеба продолжалась и дома. Бывало так, что тот или другой космонавт не мог решить какую-нибудь задачу. И тогда на помощь приходили Павел Беляев и Владимир Комаров, уже имевшие академическое образование. Оба были постарше Гагарина и летами и стажем летной работы, но уважали его и видели в нем своего учителя, ибо каждый из них должен был повторить и приумножить то, что уже сделал Гагарин.

Начинался новый этап развития отечественной космонавтики: переход от полетов на одноместных космических кораблях к полетам экипажами в составе нескольких человек. В первый такой полет планировался корабль, на котором должны были лететь три человека: командир корабля, ученый и врач. В группу космонавтов пришли новые люди, среди которых были: ученый Константин Петрович Феоктистов и медик Борис Борисович Егоров — наиболее вероятные кандидаты для включения в состав экипажа многоместного космического корабля «Восход». Командиром корабля намечался Владимир Михайлович Комаров.

Комаров пришел в группу космонавтов после окончания академии. По рекомендации Гагарина был дублером командира «Востока-4» Павла Поповича. И теперь, когда встал вопрос о командире первого многоместного космического корабля «Восход», Гагарин радовался, что Главный Конструктор поддержал кандидатуру Комарова.

Как-то ученый полушутя-полусерьезно сказал Юрию Алексеевичу:

— Вы на много моложе меня, но, вернувшись из космоса, стали гораздо старше.

По душе было и настоятельное предложение ученого включить в экипаж «Восхода» Константина Петровича Феоктистова. Это был человек с висками, припорошенными сединой, кандидат технических наук. Гагарин еще до начала подготовки к полету «Восхода» встречался с ним.

С профессиональным любопытством Гагарин присматривался к новому товарищу, которому было около сорока, и скоро убедился, что тому по плечу трудности специальных тренировок. Пожалуй, Константину Феоктистову было труднее, чем другим космонавтам, давно начавшим тренировки и прошедшим летную подготовку. Но он наравне со всеми стойко переносил перегрузки центрифуги, разреженность воздуха в барокамере, испытания зноем и стужей.

Право занять рабочее место в кабине «Восхода» Феоктистов завоевал годами творческого труда. Гагарин полюбил его и во многом ставил себе в пример.

Знал Гагарин и самого молодого в экипаже «Восхода»: врача Бориса Егорова. Он появился среди космонавтов, будучи еще студентом-стажером. Вечерами после лекций нередко дежурил у сурдокамеры, наблюдал за поведением находившегося там космонавта. Это было до полета Гагарина, а 12 апреля 1961 года он встречал Гагарина за Волгой, в районе приземления «Востока». Этот год стал для Егорова рубежом новой жизни. Закончив институт, врач целиком посвятил себя проблемам самой молодой отрасли — космической медицины.

«Восход» с экипажем: командир Владимир Ко-

маров, ученый Константин Феоктистов и врач Борис Егоров — стартовал 12 октября 1964 года. Одежда космонавтов состояла из шерстяных рубашек и брюк.

В 10 часов 30 минут по московскому времени Гагарин сообщил на борт «Восхода»:

— Дается старт!

И снова он сутки, пока «Восход» пребывал на орбите, дежурил на пункте управления.

При старте «Восхода» каждый по-своему ощутил силы, действующие на активном участке полета — с момента отрыва от Земли и до выхода на орбиту. Егорову все показалось похожим на то, что испытывают пассажиры при взлете рейсового реактивного самолета. Феоктистов отметил небольшую вибрацию. Но общее впечатление было таково: ускорения космонавты перенесли легче, чем при испытаниях на центрифуге.

Это было новое явление. И раздумывая над ним, Гагарин объяснял его тем, что оборудование «Восхода» значительно усовершенствовано по сравнению с кораблями типа «Восток». Уменьшение перегрузок на организм людей — прямое следствие оригинального устройства рабочих кресел — ложементов, отлитых точно по форме тела каждого космонавта.

Экипаж «Восхода» оказался куда более в благоприятных условиях, чем все его предшественники. Если Гагарина и других космонавтов, летавших на «Востоках», сковывали скафандры, то Комаров и его товарищи были свободны в движениях.

Гагарина интересовала система ручного управления, которой в своем полете ему не пришлось пользоваться. Комаров рассказал, что на первом витке он брался за ручное управление и убедился, что корабль послушен воле пилота. Это была первая проверка,

произведенная на высоте четырехсот километров. Система действовала безукоризненно. Несколько раз Комаров ориентировал корабль по Земле, по звездам, по горизонту, по Солнцу, оценивая работу новой системы управления с точки зрения не только летчика, но и инженера. Когда это требовалось Константину Феоктистову, орудовавшему секстантом, командир, управляя «Восходом», подольше удерживал в поле зрения ученого необходимое для работы созвездие.

«Восход» приземлился по новой системе, так называемой «мягкой посадки». Точно в определенное время произошел отстрел крышки люка парашютов. Динамический рывок — и наступило привычное состояние земного тяготения. Корабль, поддерживаемый большими парашютами, шел к Земле. Включились двигатели системы «мягкой посадки», и «Восход» почти с нулевой скоростью коснулся высохшего жнивья.

Все повторилось в седьмой раз: всенародная встреча, Красная площадь и Золотые Звезды Героев Советского Союза трем новым летчикам-космонавтам. Все трое обнимали Гагарина.

А в канун праздника 47-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции на одной из площадей Москвы собрались первооткрыватели космоса. Состоялась церемония открытия стометрового серебристого обелиска, взметнувшего в небо ракету, и памятника основоположнику космонавтики К. Э. Циолковскому. Бронзовые горельефы вокруг основания обелиска повествовали о великих научных открытиях Советского Союза, обеспечивших запуск первого в мире искусственного спутника Земли, а затем полет первого человека в космос.

В эти торжественные минуты на трибуне, где на-

ходились руководители партии и правительства, Гагарин стоял рядом с Комаровым.

В конце апреля 1967 года Гагарин провожал Комарова на испытания космического корабля «Союз-1». Прежде чем спуститься в бетонный бункер к пультам управления, он поднялся вместе с Комаровым на верхнюю площадку ферм обслуживания, обступивших ракету, к люку космического корабля. Это было ночью. И там, наверху, в свете прожекторов они по-братски расцеловались и крепко пожали друг другу руки. Это было последнее рукопожатие Владимира Комарова.

Корабль умчался далеко, а Гагарин никак не мог отойти от репродуктора, вслушиваясь в спокойный голос Комарова. Припомнились картины, нарисованные Комаровым, и среди них ландшафт величественного антарктического сияния, образно названного Владимиром золотой короной планеты.

Все время испытательного полета «Союза-1» Юрий Гагарин провел на командном пункте космодрома и при сеансах связи с кораблем слушал доклады космонавта. Каждая фраза его была проникнута аналитической мыслью опытного летчика, инженера, испытателя космической техники. Коротко, предельно четко отвечал Комаров на вопросы Земли.

Виток за витком опоясывал «Союз-1» планету, и с его борта к специалистам поступали все новые данные, необходимые для дальнейших работ в звездном океане. Гагарин был доволен обстоятельностью, с какой Комаров анализировал каждый этап полета. Когда программа испытаний завершилась, с командного пункта последовал приказ совершить посадку.

На девятнадцатом витке, за тысячи километров от района приземления, где-то над Африкой, были сделаны необходимые приготовления к заключитель-

ному этапу: ориентировка корабля и включения тормозной двигательной установки. Гагарин немного волновался. Из своего опыта он знал, что приземление таит в себе значительно больше опасностей, чем взлет.

— Все идет отлично,— слышал он голос Комарова, и на душе становилось спокойно.

Но вот связь оборвалась. Гагарин знал, корабль вошел в плотные слои атмосферы и гасит первую космическую скорость. К расчетной точке приземления корабля на вертолетах и самолетах поспешила группа встречи. И вдруг острая, словно молния, разящая весть — с Володей случилось несчастье! Пока еще никто не знал — жив ли космонавт, что произошло с кораблем? Несмотря на все самообладание, Гагарин побледнел...

Комаров мужественно выдержал все испытания в бескрайнем звездном океане и по нелепой случайности, связанной с плохо сработавшей парашютной системой корабля, потерпел бедствие у самой земли.

Горькие наступили дни. Владимира Михайловича Комарова хоронила вся Москва. Делегации многих заводов и коллективов трудящихся принесли к урне венки. Члены Политбюро ЦК КПСС несли урну к Кремлевской стене.

Гагарин шел, опустив голову, прикрыв ладонью заплаканное лицо. Гибель Комарова стала тяжелой потерей. Возвращаясь от Кремлевской стены домой, Гагарин не мог забыть, как к урне с прахом Володи подошла старая женщина, вдова прославленного летчика В. П. Чкалова Ольга Эразмовна. Она положила к постаменту красные гвоздики и заново пережила свою трагедию: три десятка лет назад так же вся Москва хоронила ее мужа, погибшего при испытании нового самолета.

И Гагарин сказал тогда:

— Космонавтика слишком молодая наука и, отправляясь в звездный океан, пока нельзя застраховать себя от непредвиденных случайностей...

Космонавты, взлетая на орбиту, рисковали жизнью. Больше всех рисковал первый — Юрий Гагарин. Ведь до его полета никто не мог утверждать, что человек сможет жить и работать в корабле, бороздящем космос. Гагарин первым доказал, что это возможно, открыл человечеству дорогу в просторы Вселенной. Никто не мог сказать — сможет ли человек жить и работать за пределами корабля: в открытом космосе. На этот узловой вопрос космоплавания должны были ответить Павел Беляев и Алексей Леонов.

Гагарин любил обоих космонавтов, вместе с ними начинал работу в первой группе исследователей космоса, близко сдружился с ними. Ему нравился Павел Беляев. В группу космонавтов, как и Комаров, он пришел после окончания авиационной академии.

Комэск, авиатор, прослуживший на Тихоокеанском флоте более десяти лет, офицер, с отличием закончивший Военно-Воздушную академию, Беляев, как старший брат, был любим молодежью. Часто Гагарин, да и другие товарищи делились с ним мечтами, сомнениями, радостями и тревогами. В этом собранном офицере, коммунисте они видели доброго, отзывчивого и принципиального человека. И тут случилось несчастье: в ветреную погоду на тренировочных парашютных прыжках при приземлении Павел сломал ногу. Перелом оказался двусторонний. Инструктор — чемпион мира по парашютным прыжкам Николай Константинович Никитин схватился за голову: из немногочисленной группы космонавтов

выбывал один из самых надежных, и, пожалуй, выбывал навсегда.

В госпиталь к больному приехали товарищи во главе с Гагариным. Привезли фрукты, свежие журналы и последние «космические» новости. Леонов захватил с собой новое издание «Повести о настоящем человеке». Он знал — такая книга может действовать благотворно, как хорошее лекарство. А когда космонавты уходили, врач сокрушенно покачал седой головой и сказал Гагарину:

— Пожалуй, навсегда, отлетался ваш Павел Иванович... Не видать ему больше истребителей...

— А Маресьев... А Сорокин? А полковник Гриценко? — зашумели ребята, называя имена летчиков-истребителей, которым ни тяжелейшие ранения ног, ни перенесенные операции, ни протезы не помешали возвратиться в боевой строй.

— Так ведь это было в дни войны,— возразил медик.

— Ну а мы сейчас тоже как на фронте,— загадочно улыбаясь, заметил один из космонавтов.

Доктор не знал, что за летчики приехали навестить потерпевшего друга, не знал и того, что его пациент принадлежит к людям, для настойчивого характера которых не существует преград.

Хирурги настаивали — нужна операция: она спасет ногу, но летать уже не придется.

— А есть ли другие пути? — допытывался Гагарин.

— Есть. Но это рискованно и нельзя поручиться за успех...

— Тогда пойдем на риск,— решительно заявил Беляев.

— Попробуем,— согласился врач.— Попытка — не пытка...

Но это была самая настоящая пытка. Сломанные кости срастались под нагрузкой. Так, помнилось Павлу, давным-давно отец его Иван Парменович — деревенский фельдшер лечил односельчан. Сначала поврежденная нога испытывала нагрузку тела, а затем и все возрастающий вес гимнастических гантелей. Процесс заживления проходил медленно, и Беляеву так и не удалось проводить в космос Гагарина. Но когда в полет пошел «Восток-2», он вместе с Леоновым был на космодроме.

Шло время. Приближались дни группового полета Николаева и Поповича, а главный вопрос: быть или не быть Беляеву космонавтом, оставался открытым. И Гагарин, и все товарищи верили в него, а медицина сомневалась. Когда кости срослись и окрепли, когда многочисленные рентгеновские снимки подтвердили успех лечебного эксперимента, со стороны врачей-психологов стали раздаваться возражения — человек травмирован и не сможет прыгать с парашютом: забоится.

Больше всех верил в товарища Гагарин. Вместе с ним он отправился на парашютные прыжки. Вместе поднялись они на самолете. Был ветер и облака — все, как в тот несчастливый ненастный день. Но Гагарин не заметил на лице друга и тени сомнения и беспокойства, когда они вдвоем подошли к раскрытой двери самолета. Он положил руку на плечо Беляева, перетянутое парашютной лямкой, и скомандовал словно перворазнику:

— Пошел!

Все на редкость удалось в прыжке. И парашют раскрылся в заданные секунды, и приземление оказалось точным и мягким. Отныне Беляев вновь становился в первый ряд космонавтов. Вскоре его избрали секретарем партийной организации.

Но, пожалуй, еще большая дружба установилась у Гагарина с Леоновым. Может быть, потому, что они ровесники, в одно время кончили летные училища, одинаково полюбили русскую природу и русское искусство. Сдружилась с женой Леонова Светланой Павловной и жена Гагарина Валентина Ивановна. Они часто бывали в гостях друг у друга, семьями ездили на рыбалку, вместе ходили в театр. Гагарины хорошо знали и чудесных стариков — Архипа Алексеевича и Евдокию Минаевну Леоновых. Юрию приятно было смотреть на шахтерские руки отца Леонова с въевшейся в них угольной пылью, когда они ласково гладили головку внучки Виктории, родившейся в апреле 1961 года — через неделю после полета «Востока». Глубокое уважение у Гагариных вызвал орден Материнской славы, приколотый к кофточке Евдокии Минаевны, вскормившей девятерых детей.

И вся многочисленная семья Леоновых, все братья и сестры, и старики, и сам Алексей питали к Гагарину почти родственные чувства.

В дневнике Алексея Леонова есть немало задушевных страниц, посвященных Гагарину. Летом 1963 года он записывал:

«Вчера звонил Юра. Договорились выехать на катере сегодня. Я от него давно слышал о замечательных ходовых качествах судна. Юре его подарили в Дании. Подарил бывший летчик капитан Ботвед, который нынче является владельцем небольшой судостроительной верфи. Выехали на рассвете, в 7.30 были в Химкинском речном порту. Небольшая погрузка, и наш корабль пошел в плавание.

Я «устроился» старпомом, Света и Валя — матросами. Дела хватало всем. За первым мостом легли в дрейф и организовали первый завтрак.

Конечный пункт — огромный участок побережья Клязьминского водохранилища. У нас были водяные лыжи. Первый пошел за катамараном Юра. У него уже в этом имеется небольшой опыт.

У нас великолепное судно на шесть спальных мест с тентом и стосильным мотором. От Клязьминского водохранилища своим ходом пошли через шесть шлюзов на Московское море. Пять часов хода, и мы — у шестого шлюза. Перед началом шлюзования было немного времени, и я сделал эскиз этого интересного сооружения. Только к двенадцати часам ночи прошли все шлюзы.

На каждом шлюзе нам дарили от коллективов цветы. Катер был похож на клумбу. В два часа ночи остановились на базе в «Уходово».

* *
*

Поднялись ночью. Полусонные сели на баркас, затарахтел мотор, и мы уже скользили по водной глади — холодно!

Небо со звездами и кругом глубокая чернота. На одном из островов пересели на лодки, и тут уж совсем тишина, только всплеск воды изредка нарушает ее, и не поймешь — весло ли это, или большая рыба...

Начало рассвета застало в заросшей лагуне. Над нами со свистом стали пролетать чирки, с шумом — кряквы. Юрия поставили на «бочку», я должен пойти на следующую. И вот тут-то началось! На полпути из-под лодки вылетела с шумом и брызгами крупная кряква, за ней — вторая. С первого выстрела попал в одну, по другой промазал. Гулким эхом разошлись выстрелы в хрустальной тишине, стало просто жаль ушедшей красоты.

Никогда не забуду этого утра — розовой дымки,

багрового солнца над лесом и тумана, пластами и клочками зацепившегося за что только можно. И эти звуки — поднимающейся на крыло утки, плеск воды и эхо...

Трофеи были богатые: семь крякв, гоголь и четыре чирка.

* *
*

Нам надоела «культурная» охота. Отошли от базы и пошли в неизвестном направлении. Даже егерю не сказали, куда идем. Подошли к одному острову и решили его сделать обитаемым. Юрий пришвартовался к наклоненному дереву. Разбили лагерь, начали готовить пищу.

Я отошел за валежником. И — чудо! На солнечной поляне, среди белогрудых берез стоят, как пеньки, белые грибы. Их столько, что сразу и не пересчитаешь. Каково было удивление Вали и Светы, да и кто бы не удивился! За пять минут набрали два ведра грибов — все на подбор: чистые, скрипучие.

Жизнь наша на «необитаемом» острове была безмятежной. Я и Юра заготавливали дичь, а наши «матросы» готовили пищу. Под конец им надоело возиться с пером, и они взбунтовались. Пришлось нам самим и стрелять, и готовить еду. Юрий все чаще начал осматривать катер, особенно во время приготовления обеда — ничего не скажешь — шкипер!

* *
*

Мы идем домой! Как ни хорошо на природе, но и домой надо: нас ждет дочка Виточка, а Юрия Галя и Лена. Тишину утра нарушило тарахтенье двигателя, отдали швартовые, и катер весело побежал навстречу солнцу. Минут через тридцать хода температура двигателя поднялась выше допустимой —

пришлось лечь в дрейф. Просмотрели все, начиная от зажигания и кончая дренажем. Так ничего и не нашли. Пришлось идти малым ходом. К обеду достигли только первого шлюза.

На самом входе нас догнал теплоход «Юрий Гагарин». Оттуда немедленно последовало приглашение нашему шкиперу подняться на палубу.

Набросив носовой, стал цеплять кормовой конец. Катер в это время отшвырнуло волной от стенки, и мне ничего не оставалось, как упасть в воду на глазах у хохочущего Юры и сотни любопытствующих пассажиров. В конце концов мы все же пришвартовались и благополучно дождались команды забрать на борт нашего шкипера...»

Много внимания и энергии уделил Гагарин подготовке к полету экипажа космического корабля «Восход-2». Значение этого полета, по определению Юрия Алексеевича, можно было приравнять к значению его собственного полета. На этот раз планировался выход человека из кабины корабля в открытый космос. Осуществить это выпало на долю Алексея Леонова. Было проведено превеликое множество тренировок. Действовали по мудрой народной пословице: «Семь раз отмерь — один раз отрежь».

Опыт был необычайно смелым, похожим на фантастику. Но Гагарин помнил высказывание В. И. Ленина: «Фантазия есть качество величайшей ценности». Новый космический корабль с талантливо придуманным и созданным советскими конструкторами шлюзовым устройством и выходным люком был похож на фантастическое сооружение. Подумать только — человек, словно орленок, освободится от сковывающей его скорлупы корабля и, раскинув руки, будто крылья, станет парить над планетой.

— Человек поплывет в космосе, как в море,—

говорил Главный Конструктор, напутствуя космонавтов. Он сказал им:

— Дорогие мои орелики! Науке нужен серьезный эксперимент. Если в космосе вдруг случатся серьезные неполадки — не устанавливайте рекордов, а принимайте правильные решения.

Провожая в полет товарищей, Юрий Алексеевич советовал:

— В космосе надо вести себя осторожно. Терпение, предусмотрительность, упорство — главные качества космонавта...

Гагаринских советов свято придерживались командиры всех космических кораблей. Юрий Алексеевич знал характеры и возможности тех, кто уходил в космос. Для каждого перед стартом и во время полета у него находились свои особые, теплые и сердечные наставления. Его энергичный, вдохновляющий голос связывал космонавтов с Землей.

Гагарин присутствовал на старте «Восхода-2» и во время полета поддерживал связь с экипажем, сообщая фактические данные его орбиты.

В конце первого витка вокруг земного шара «Восход-2», миновав мыс Горн, оказался над Африкой. Алексей Леонов, покинув свое рабочее место, вплыл в шлюзовую камеру. Гагарин слышал переговоры космонавтов между собой и то, что они сообщали в эти минуты на Землю.

— Я «Алмаз-2»,— донесся голос Леонова,— место в шлюзе занял...

— Понял,— чуточку глуховатым голосом ответил ему Беляев.

— Беру управление на себя.

— Понял.

— Докладываю: «Алмаз-2» находится в шлюзовой камере. Крышка люка «ШК» закрыта. Все идет

по плану. Все идет по графику. Самочувствие отличное. Я «Алмаз». Прием.

Серия кинокамер, установленных в кабине «Восхода-2», в шлюзе, на поверхности корабля, позволила после возвращения космонавтов на землю проследить весь путь Леонова, увидеть и проанализировать все его действия: как он проплывал, находясь в состоянии невесомости, от своего кресла — ложемента до выходного люка из шлюзовой камеры. Гагарину было приятно видеть, что Леонов в космосе делал все так же, как сотни раз проделывал это на Земле.

А из космоса продолжали доноситься знакомые голоса, рисующие картину происходившего на орбите.

— Люк «ШК» открыт. Приготовиться к выходу,— приказал командир корабля.

— К выходу готов,— ответил Леонов.— Я «Алмаз-2» нахожусь на обрезе шлюза,— он повторил: — Нахожусь на обрезе шлюза. Самочувствие отличное. Под собой вижу облачность, море...

— «Алмаз-2», я вас понял. Слышу хорошо. Говорите немного потише. Поздравляю с выходом.

— Спасибо.

— Леша, сними крышку с кинокамеры,— тепло, по-дружески напомнил Беляев.

— Я уже снял крышку.

— «Алмаз-2», я «Заря-1», что наблюдаешь? — спросил с командного пункта Гагарин.

— Кавказ, Кавказ. Кавказ вижу под собой,— немедленно откликнулся Леонов.

— «Алмаз-2», «Алмаз-2», каковы условия для работы?

— Условия нормальные. Начинаю отход от корабля.

И Гагарин, и все находившиеся на командном

пункте услышали то, ради чего снаряжался «Восход-2», ради чего они не спали ночами, ради чего было вложено столько творческих усилий в подготовку к космическому полету. Все услышали слова рапорта Павла Беляева, прозвучавшие как гимн силе и воле советского человека:

— Я «Алмаз», «Алмаз». Человек вышел в космическое пространство... Человек вышел в космическое пространство!.. Находится в свободном плавании...

И все на командном пункте, сгрудившись возле телевизионного устройства, увидели, как Леонов, одетый в специальный скафандр, действовал в фантастическом океане, отталкивался от корабля, раскрылив руки, парил в бесконечных просторах Вселенной, где не было ни верха, ни низа.

Десять минут плавал и парил в звездной бездне Алексей Леонов, и эти десять минут потрясли мир. Он летел рядом с космическим кораблем со скоростью двадцать восемь тысяч километров в час. Не удивительно, что, выйдя из корабля над Черным морем, он через десять минут оказался над Енисеем. Гагарин знал — где-то там, внизу, в сибирских лесах, недалеко от великой русской реки затерялась маленькая деревушка Листвянка, где родился космонавт. Вернулся Леонов в кабину корабля над Сахалином. Всю нашу огромную страну пролетел он, находясь за пределами кабины корабля — в вакууме.

В этот момент все, кто был на командном пункте — ученые, специалисты, космонавты, восторгаясь достигнутым успехом, обступили Гагарина. Затем подняли его на руки и стали подбрасывать кверху. В этом товарищеском внимании заключалось признание заслуг Гагарина. Он сделал первый шаг ос-

воения человеком просторов Вселенной, второй не менее смелый шаг сделал Алексей Леонов, установив новую истину — человек может жить и работать в открытом космическом пространстве.

В конце суточного полета «Восхода-2» обнаружились неполадки в работе солнечной системы ориентации корабля. А раз они возникли, стало ясно, что автоматическое включение тормозной двигательной установки не произойдет. Тишину тревожных минут, наступивших на командном пункте и в космосе, нарушил Юрий Гагарин, передавший Павлу Беляеву распоряжение технического руководителя полета:

— Разрешается посадка на восемнадцатом витке посредством ручного управления...

Система ручного управления на «Восходе-2» оказалась на редкость удобной и надежной. Беляев чувствовал корабль, как летчик чувствует самолет. И хотя это требовало больших знаний, точности и выдержки, в нужный момент он сориентировал корабль и вручную включил тормозную двигательную установку. Это делалось в космосе впервые, и вполне понятно, что и Гагарин, и все специалисты, находившиеся на командном пункте, хорошо понимали всю ответственность момента: теперь все зависело от умения и хладнокровия Беляева.

«Восход-2», замедляя движение, сошел с орбиты и по гигантской кривой направился к Земле. Когда траектория снижения достигла определенной высоты, в действие вступила система «мягкой посадки». Она сработала безотказно. Космонавты почти не ощутили, когда корабль коснулся земли. Он опустился в лесах под Пермью, в глубокий снег между трех высоких сосен. На их кронах повис гигантский парашют с ярко видимыми издалека оранжевыми полосами.

Через сутки Юрий Гагарин обнял Павла Беляева и Алексея Леонова, удливших и расширивших начатую им дорогу к звездам.

* *
*

К исторической дате — полувековому юбилею Великого Октября — свыше двухсотпятидесяти космических аппаратов направил советский народ в просторы Вселенной. Космические корабли, спутники Земли и Луны, автоматические межпланетные станции... Увеличивается их вес, совершенствуется оборудование, повышаются орбиты, удлиняются маршруты, решаются все новые научно-технические задачи. Многое сделано, большие средства вложил советский народ в развитие отечественной космонавтики. Результаты космических исследований с каждым днем все больше и больше используются в нашем народном хозяйстве. Это и спутники связи, и метеорологические спутники... А сколько решено коренных вопросов познания Вселенной, как широко раздвинулись горизонты нашей науки.

Путь к звездам тернист и далек, и прокладывало его не одно поколение и не один народ; были взлеты, падения, жертвы, все было на этом нелегком пути. Рассказывая о Юрии Гагарине, добрым словом следует помянуть и русского подъячего Крякутного — первого человека, поднявшегося на воздушном шаре, и Михайла Ломоносова, и Дмитрия Менделеева, и Константина Циолковского, и Игоря Курчатова, и Валерия Чкалова, и стратонавтов Т. Ф. Федосеенко, А. Б. Васенко и И. Д. Усыскина, впервые в истории человечества достигших высоты двадцать две тысячи метров, и американских космонавтов, сгоревших в

космическом корабле «Аполлон» Вирджила Гриссома, Эдварда Уайта и Роджера Чафи.

Первого космонавта в мире интересовало, что делается в США? Зная английский язык, Юрий Алексеевич регулярно просматривал американскую прессу, интересовался биографиями американских исследователей космоса, был в курсе всего, что делалось там в этой области. Его тревожила милитаризация американской космической программы.

Юрий Алексеевич не раз говорил, что неустанные поиски нового оружия заставили американцев обратить свои взоры в космос. В июне 1961 года он вычитал в одном из американских бюллетеней, что курс на «смелое проникновение в космическое пространство с открыто выраженными военными целями объявляется кратчайшим путем к установлению контролируемого мира во всем мире».

Как-то значительно позже, будучи в гостях у Гагариных, мы обратили внимание на журнал «Лайф» номер 14 за 1965 год. Рукой Юрия Алексеевича было отмечено: «Сейчас совершенно очевидно,— было заявлено с трибуны конгресса,— что Соединенные Штаты должны создать вооруженные силы, способные действовать в космическом пространстве. Они так же необходимы, как морские или подводные силы, как танковые или воздушные соединения... Настало время, когда программа по созданию космических вооруженных сил должна стать нашей ударной программой... Теперь не стоит вопрос, будем ли мы иметь космические танки, космические доты, космическую артиллерию и космические сторожевые подразделения. Вопрос заключается в том, когда... мы будем их иметь».

Гагарин сильно возмутился тем, что в Америке сторонники открытого военного проникновения тре-

бовали немедленно принять программу ВВС по созданию военных пилотируемых орбитальных лабораторий, которые должны были провести опыты, связанные с решением проблем стратегической разведки, перехвата и уничтожения чужих спутников и космических кораблей, разработать тактику и приобретать навыки в ведении космического боя, организации командно-стратегических пунктов для руководства глобальными военными операциями на суше и на море, выявлять эффективности космических вооружений, в том числе и ядерных, а также жизнедеятельности человека в космосе и возможности его сражаться там.

Во время этого разговора Ю. А. Гагарин цитировал высказывания ряда зарубежных изданий. У него была великолепная память. От него мы узнали, что журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» писал: «Достигнутая Соединенными Штатами и Россией мертвая точка в развернувшейся между ними ракетно-ядерной гонке может быть преодолена только с помощью космического оружия».

Журнал «Эйр форс мэгэзин» пошел еще дальше. В марте 1967 года на его страницах появились такие строки: «Можно предположить, что перспектива создания лазеров, работающих в диапазоне гамма-лучей, становится реальной. Это дает нам надежду получить в свои руки настоящие лучи смерти. Ничто не сможет противостоять им. Пучок лучей такой высокой энергии может уничтожить любую цель, на которую он будет направлен».

Юрий Алексеевич интересовался своими последователями. Как-то мы видели у него таблицу рекордов, установленных при полете человека на космическом корабле. Все рекорды на одноместных космических кораблях принадлежат Советскому Союзу.

* *
*

...12 апреля 1961 года мир впервые услышал голос человека из просторов Вселенной.

Совместный труд возбуждает в людях энергию, которую невозможно достичь в одиночку. Первый полет человека в космическом пространстве гражданина Советского Союза, коммуниста Юрия Алексеевича Гагарина явился плодом творческого труда советских ученых, конструкторов, инженеров и рабочих, создавших чудо XX века: космический корабль «Восток». Все вместе они одержали беспримерную победу человеческого разума над силами природы.

К своему бессмертному подвигу Юрий Гагарин шел трудовым путем, по которому идет к заветной цели — коммунизму все поколение советской молодежи. В его биографии, как солнце в капле воды, отражается полная горения и благородных устремлений жизнь миллионов советских юношей и девушек, воспитанных Коммунистической партией. Успех одного побуждает к рвению и мужеству все поколение. Молодежь почувствовала, как у нее вырастают крылья. Молодой человек нашей страны, видя в Гагарине себя, всем сердцем разделяет его кредо: «Наша жизнь вся до последней кровинки, до последнего дыхания принадлежит прекрасной Советской Родине!»

Труды Гагарина оплодотворили и еще долго будут оплодотворять космические свершения. В каждом полете будет работать частица его души.

Ученые многих стран будут писать подробные исследования его необыкновенной жизни, изучать каждую строку, написанную его рукой, вглядываться в снимки с его изображением. Он вечно будет влиять на всех исследователей космоса и путешест-

венников к далеким планетам, которые, отправляясь в неизведанный океан, будут вначале стойкими и беспомощными в борьбе со стихиями, как Колумб, Магеллан, Васко да Гама. Но со временем все притрется, как притерлись в мироздании небесные тела, совершающие вечный круговорот.

Гагарин погиб. Но он бессмертен! И любое правдивое слово о нем не имеет теперь цены.

Все важно для истории — и свидетельство о рождении, и партийный билет, и запись на листке календаря за 27 марта 1968 года, на котором Гагарин расписал время рокового для себя дня:

«1) 10.00 — тренировочные полеты.

2) 17.00 — редакция журнала «Огонек», «Круглый стол», надо выступать.

3) 19.30 — встреча с иностранными делегациями. ЦК ВЛКСМ».

В этом календаре остался лежать билет члена-корреспондента датской Ассоциации астронавтики, действительный до 1999 года.

Календарь был первым предметом, на который обратила внимание его вдова Валентина Ивановна в день гибели мужа. В этом настольном календаре космонавт по часам расписывал свое время, которого у него всегда не хватало.

Авторам этих записок посчастливилось быть свидетелями исторического подвига Юрия Гагарина, услышать его первый рассказ обо всем увиденном и пережитом в космосе. Вместе с ним побывали мы в его родных краях, поездили по белу свету, видели, с каким триумфом встречали героя космоса народы Земли. В дни свершений отечественной космонавтики нам посчастливилось видеть Гагарина, провожающего с космодрома уходящих в звездный океан всех космонавтов. Может быть, это и дало нам право на-

писать о Гагарине эту небольшую книжечку, отнюдь не претендующую на полную его биографию.

...Провожая друзей в космос, Гагарин мечтал о дне, когда ему поручат новый космический полет, и тогда в его синих глазах, сохранивших отблеск звезд, увиденных в просторах Вселенной, загорался теплый свет. Какой это будет полет, он не мог сказать. Первый космонавт глубоко верил: придет заветная минута, когда на космодроме будет подана долгожданная команда: «Ключ на старт!», и ракета с космическим кораблем устремится ввысь. Кораблем этим будет командовать он — Юрий Гагарин, чья жизнь до последней кровинки, до последнего дыхания принадлежит социалистической Родине. Он твердо верил в свою звезду. Ему было мало того, что он совершил для Родины, он хотел сделать еще больше!

Своим великим деянием он сохранил для потомства свою жизнь — навсегда вошел в бессмертие.

Содержание

СВЕРШЕНИЕ	1
СТАНОВЛЕНИЕ	33
ПРИЗНАНИЕ	68
БЕССМЕРТИЕ	106

ВЫШЛИ В СВЕТ

Краткая история советского рабочего класса. 1917—1967. — 430 стр., 43 тыс. экз., 97 коп.

Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Выпуск второй.— 560 стр., 200 тыс. экз., 1 руб. 35 коп.

ВАСЮКОВ В. С. **Предыстория интервенции.** Февраль 1917 — март 1918.— 296 стр., 60 тыс. экз., 67 коп.

Люди легенд. Очерки о партизанах и подпольщиках — Героях Советского Союза. Выпуск третий.— 592 стр., 170 тыс. экз., 1 руб. 18 коп.

ВЛАСОВ М. Г. **Рождение советской интеллигенции.** Серия «Страницы истории Советской Родины».— 86 стр., 65 тыс. экз., 11 коп.

ВОДОЛАГИН М. А. **Первый тракторный.** Серия «Страницы истории Советской Родины».— 112 стр., 14 коп.

Борзенко Сергей Александрович и Денисов Николай Николаевич.

Б-82 ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ. М., Политиздат, 1969.

142 с. с илл. («Герои Советской Родины»).

1—6—4
2—Б355—68

6Т5.2(09)

Редактор *Л. Ф. Торопов*

Художник *С. И. Сергеев*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 11 сентября 1968 г. Подписано в печать 6 января 1969 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 6,65. Учетно-изд. л. 6. Тираж 200 тыс. экз. А 03605. Заказ № 1727. Цена 23 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

23 коп.

Это книга о яркой и полной большого содержания жизни Ю. А. Гагарина — первого в мире человека, проложившего дорогу в космос. Герой книги показан то вместе с друзьями — летчиками-космонавтами, то рядом с учеными, то в космическом корабле, совершающем свой исторический полет, то в непринужденной домашней обстановке, то в поездках по родной стране и за рубежом, во время которых люди всего мира восторгались выдающимся достижением советской науки и техники. Книга написана специальными корреспондентами «Правды», освещавшими в газете полеты всех космонавтов и сопровождавшими их в заграничных поездках. Рассчитана на массового читателя.

